

Записки о Шерлоке Холмсе

Автор:

[Артур Дойл](#)

Записки о Шерлоке Холмсе

Артур Конан Дойл

«Записки о Шерлоке Холмсе» – второй сборник рассказов о Шерлоке Холмсе, написанных в период 1875–1891 гг. Повествование ведется от имени доктора Ватсона, вспоминающего своего друга Шерлока Холмса – гениального сыщика, на счету которого – несколько десятков раскрытых преступлений.

Конан Дойль считал рассказы о Холмсе «легким чтивом» и раздражался от того, что читатели предпочли произведения о гениальном сыщике историческим творениям автора. Потому сэра Артура решил прекратить историю сыщика, устранив популярнейшего литературного персонажа в схватке с профессором Мориарти у Рейхенбахского водопада...

Вашему вниманию предлагается один из первых переводов рассказов Л. Конан Дойля на русский язык.

Артур Конан Дойль

Записки о Шерлоке Холмсе. Сборник рассказов

Издание осуществлено при финансовой поддержке Банка «Новый Символ»

THE MEMOIRS

OF

SHERLOCK HOLMES

BY

A. CONAN DOYLE

London:

GEORGE NEWNES, Limited,

SOUTHAMPTON STREET AND EXETER STREET,

STRAND

1894

Текст воспроизводится по изданию: Артур Конан Дойль. Воспоминания о Шерлоке Холмсе: Сборник рассказов / Пер. с англ. – С.-П.: Книгоиздательство П. П. Сойкина.

Иллюстрации Сиднея Пейджета и Уильяма Генри Хайда взяты из первого издания второго сборника рассказов о приключениях Шерлока Холмса – «The Memoirs of Sherlock Holmes», Лондон, 1894 г.

Сэр Артур Игнатиус Конан Дойль 22 мая 1859 – 7 июля 1930

Роковая тайна

«Роковая тайна» (The Adventure of the Gloria Scott), 1875, Лангмер, графство Норфолк (Langmere, Norfolk)

– У меня здесь есть несколько бумаг, Ватсон, – сказал мой друг Шерлок Холмс, сидя со мной однажды зимним вечером у камина, – которые заслуживают того, чтобы вы взглянули на них. Здесь вот у меня документы по чрезвычайно интересному делу о «Славе Шотландии», а вот это – послание к мировому судье старику Тревору, прочтя которое он умер от ужаса.

Сказав это, мой друг вытащил из шкафа какой-то сверток в виде цилиндра. Затем он отыскал в нем записку, написанную крайне неразборчиво на клочке бумаги, и подал ее мне.

«Спрос на дичь быстро растет. Выслежена партия фазанов. Хадсон уполномочен на все. Про векселя сказал кому следует. Беги к Смиту. Спасая фазаньим самкам жизнь, получишь барыш».

Я прочел записку и взглянул на Холмса, ничего не понимая. По выражению его лица я увидел, что он любуется моим недоумением.

– Вы, кажется, удивлены? – спросил он.

– Я только совершенно не могу понять, каким образом это послание могло внушить такой сильный ужас. По моему мнению, эта записка просто смешна.

– Да, и все-таки результат был таким, что прочтя эту записку, сильный и здоровый старик умер так внезапно, как если бы его кто застрелил из револьвера.

– Вы возбуждаете мое любопытство, – сказал я. – И, очевидно, вы придаете очень большое значение этому делу, если заговорили о нем со мной?

– Да, потому что это дело было первое, которое я распутывал.

Я неоднократно старался уже вызвать на откровенность моего друга и расспросить, что именно было поводом того, что он избрал карьеру сыщика, но мне это не удавалось. Теперь же он сам уселся в кресло, закурил свою трубку и, разложив бумаги на коленях, принялся перебирать их одну за другой.

– Вы еще не слышали от меня ничего про Виктора Тревора? – начал он. – Он был моим единственным другом во время моего пребывания в колледже. Вы знаете, Ватсон, что я вообще малообщителен. Также и тогда я более любил сидеть дома один со своими мыслями, нежели ходить в гости к товарищам. Фехтование и бокс еще сближали меня с ними, но во всем остальном я совершенно отличался от них, и между нами было очень мало точек соприкосновения. Тревор был единственный из них, которого я знал, да и то благодаря только тому обстоятельству, что в одно прекрасное утро, когда я шел в часовню, его терьер укусил меня за ногу. Я согласен, что этот способ знакомства мало приятен, но зато действителен.

Я тогда пролежал в постели десять дней, и Тревор навещал меня. Сначала он приходил не более как на минутку, затем его визиты начали затягиваться, и в конце концов мы с ним подружились самым настоящим образом. Он был сильный, здоровый парень, веселого характера и очень общительный, представляя этим полную противоположность мне. Но было у нас и нечто общее. Более всего нас сблизило то, что он точно так же, как и я, не имел друзей. Однажды во время вакаций[1 - Вакации – то же, что каникулы. – (Прим, ред.)] он пригласил меня погостить к своему отцу, который жил около Донниторпа, в

Норфолке, и я с удовольствием принял это приглашение, рассчитывая пробыть там месяц.

Старик Тревор, очевидно, был состоятельный человек, мировой судья и землевладелец. Донниторп – небольшая деревушка к северу от Лангмера – расположен в открытой местности. Дом его был старинный, удобный. Выстроен он был из кирпича и обсажен дубами. От крыльца шла прекрасная липовая аллея. В имении были прекрасные места для охоты на диких уток, в доме был хороший повар и небольшая, но тщательно составленная библиотека, как я думаю, оставшаяся после прежнего владельца этого имения. Одним словом, нужно было быть большим придирой, чтобы не провести там приятно месяц.

Тревор-старший был вдов, и мой друг был его единственным сыном. Была у него и дочь, но она умерла, кажется, от дифтерита, во время своей поездки в Бирмингем. Отец моего друга чрезвычайно заинтересовал меня. Он был не очень образован, но зато имел сильный дух и здоровое тело. Он едва ли читал когда-либо книги, но много видел, много путешествовал и обладал удивительной памятью, помнил все, чему учился когда-либо. С виду он был небольшого роста, коренастый, с широкими плечами. Волосы на его голове были с сильной проседью, лицо загорелое, а голубые глаза смотрели остро и пронизательно. В своем округе он пользовался репутацией человека почтенного, доброго, щедрого и всеми уважаемого. Между прочим, в качестве мирового судьи он выносил всегда очень мягкие приговоры.

Однажды, вскоре после моего приезда, мы сидели после обеда за портвейном и разговаривали. Молодой Тревор начал говорить о моей способности к наблюдениям, которую я уже тогда привел в целую систему, систему, которой впоследствии суждено было сыграть важную роль в моей жизни. Старый джентльмен, очевидно, подумал, что сын преувеличивает описание моих талантов, когда тот ему рассказал несколько ничтожных случаев, свидетелем которых он сам был.

– Слушайте, мистер Холмс, – весело сказал он, – я сам представляю великолепный пример для ваших дедуктивных умозаключений.

– Едва ли мне придется угадать многое. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что за последние двенадцать месяцев вы боитесь подвергнуться нападению.

Улыбка исчезла с его губ, и он посмотрел на меня с величайшим изумлением.

– Это правда. Помнишь ли, Виктор, – продолжал он, обращаясь к своему сыну, – ведь мы в прошлом году изловили целую шайку контрабандистов, и они пригрозили убить нас за это. На мистера Эдуарда Холли они действительно напали. С тех пор я принимаю некоторые меры предосторожности, хотя совершенно не понимаю, каким образом вы могли узнать это?

– У вас очень хорошая палка, – ответил я, – я заключил по надписи на палке, что вы купили ее не более как с год тому назад. С другой стороны, я заметил, что ручка отвинчивается и что палка залита внутри свинцом. В таком виде она представляет страшное оружие. Я и заключаю, что если вы принимаете такие меры предосторожности, то только потому, что боитесь какого-нибудь внезапного нападения.

– Ну, что-нибудь еще? – улыбнулся он.

– Вы много занимались боксом, когда были еще молоды.

– Правда. Как вы узнали это? Или мой нос потерял вследствие этого спорта свою первоначальную форму?

– Нет, – сказал я. – Это видно по вашим ушам. На них видны характерные утолщения, которые характеризуют только боксеров.

– Еще что-нибудь?

– Вы много занимались физическим трудом. Это можно видеть по мозолям на ваших руках.

– Все заработанные деньги я добыл на рудниках.

– Вы были в Новой Зеландии.

– Да, правда.

– Вы посетили Японию.

– Совершенно верно.

– И находились в тесной дружбе с человеком, инициалы которого Д. Э. Но впоследствии вы старались позабыть этого человека.

Мистер Тревор встал с места и уставился на меня своими большими глазами, принявшими какое-то странное, дикое выражение. Затем он побледнел и лишился чувств, уткнув лицо в скатерть, усеянную ореховой скорлупой.

Вы можете себе представить, Ватсон, до чего мы оба перепугались. Но обморок не был продолжителен; мы подняли его, расстегнули воротник, sprыснули ему лицо холодной водой, и он скоро очнулся.

– Ах, детки! – сказал он, стараясь улыбнуться. – Надеюсь, что я не слишком перепугал вас. Но, видите ли, у меня порок сердца, и я подвержен довольно частым обморокам. Я не знаю, как вы это делаете, мистер Холмс, но по-моему, все профессиональные сыщики, если их сравнить с вами, кажутся маленькими детьми. Это – ваше жизненное призвание, сэръ, следуйте ему; верьте старому человеку, который много перевидал на своем веку.

И эти его слова, в которых звучала несколько преувеличенная оценка моих талантов, в первый раз, вы можете мне в этом верить, Ватсон, навели меня на мысль обратиться в профессию занятия, которым я до этого времени предавался из любви к искусству. Но в эту минуту я был гораздо более озабочен болезнью моего хозяина и не думал ни о чем другом.

– Надеюсь, что я не сказал ничего, что могло бы опечалить вас? – спросил я.

– Вы действительно затронули мое болезненное место. Могу ли я спросить, что именно и в какой степени вы знаете?

Он спросил это как будто в шутку и старался казаться спокойным, но в глазах его виднелся прежний дикий ужас.

– Это очень просто, – ответила. – Когда вы обнажили руку, втаскивая в лодку рыбу, я успел заметить на ней инициалы Д. Э. Эти буквы все еще можно было разобрать, несмотря на то, что они были покрыты синими шрамами,

доказывающими, что буквы старались вытравить. Следовательно, можно вывести из этого такое заключение: раньше инициалы были дороги вам, а впоследствии вы захотели забыть их и старались избавиться от них.

– Какие глаза у вас, однако! – воскликнул он с облегчением. – Все то, что вы сейчас сказали, – верно. Но не будем говорить об этом. Из всех привидений самые худшие – призраки нашей былой любви. Пойдемте лучше в бильярдную и выкурим там по сигаре. С этого дня мистер Тревор относился ко мне по-прежнему любезно, но в его обращении сквозила явная подозрительность. Даже его сын заметил это.

– Ты до такой степени напугал отца, – сказал он, – что он мучается постоянными сомнениями относительно того, что тебе известно, а что нет.

Я уверен, что старый джентльмен старался скрывать свои чувства, но они так и сквозили во всех его поступках. И я решил сократить свое пребывание у него, так как заметил, что мое присутствие становится ему в тягость. Но в самый день моего отъезда произошел случай, которому суждено было повлиять на будущие события. Мы сидели в саду на садовых стульях, грелись на солнце и любовались открывающимся перед нами видом.

Вдруг к нам подошла служанка и доложила, что какой-то человек желает видеть мистера Тревора.

– Как его зовут? – спросил хозяин.

– Он не говорит своего имени.

– Что ему от меня нужно?

– Он говорит, что вы знаете его и что он должен вам сказать только два слова.

– Пусть он придет сюда.

Мистер Тревор уставился на меня глазами, принявшими странное, дикое выражение.

Через минуту человек маленького роста появился перед нами. Он шел какой-то раскачивающейся странной походкой. Его пиджак, с запачканными дегтем рукавами, был расстегнут, и из-под него виднелась полосатая, черная с красным, рубашка. Кожаные брюки и сильно истоптанные башмаки довершали наряд. На его худом, хитром и загорелом лице как бы застыла злая улыбка, показывающая ряд неровных желтых зубов. Его корявые руки были сжаты жестом, отличающим моряков. Когда он еще только подходил к нам, я услышал, как мистер Тревор издал какой-то задуманный звук, затем быстро вскочил со стула и бросился к дому. Через минуту он снова вернулся к нам. Когда он проходил мимо меня, я почувствовал сильный запах бренди.

– Ну, любезный, – обратился он к незнакомцу, – что вам от меня нужно?

Моряк стоял, вытаращив на него глаза. Все та же неприятная развязная улыбка блуждала по его губам.

– Вы, значит, не узнали меня? – спросил он.

– Господи! Неужели вы в самом деле Хадсон? – как будто с изумлением спросил мистер Тревор.

– Хадсон и есть, – ответил незнакомец. – Тридцать лет я не виделся с вами. Вы успели обзавестись здесь своим домом, а я все живу по-прежнему. Часом – с квасом, порой – с водой.

– Тсс! Я докажу, что я не забыл старых времен! – воскликнул мистер Тревор и, подойдя поближе к пришельцу, проговорил ему что-то вполголоса.

– Идите в кухню, – произнес он снова громко, – вам дадут там поесть. Я не сомневаюсь, что мне удастся пристроить вас на хорошее место.

– Благодарю вас, сэр, – сказал моряк, поднося руку к фуражке. – Скоро уже два года, как я лишился места и прожил все. И я решился обратиться за помощью

или к вам, или к мистеру Беддосу.

– А! Вы знаете, где находится мистер Беддос?

– Разумеется, сэр; я всегда знаю, где находятся мои старинные друзья, – ответил незнакомец, зловеще улыбаясь. Затем он отправился за служанкой на кухню.

Мистер Тревор начал быстро что-то нам пояснять относительно того, что служил вместе с этим человеком на корабле, но не договорил и, оставив нас в саду, ушел в дом. Спустя час мы вошли вслед за ним в комнаты и увидели его лежащим на софе в столовой. Он был совершенно пьян.

Все случившееся произвело на меня очень тягостное впечатление, и я был рад-радешенек, когда на другой день уехал из Донниторпа. Я ясно видел, что мое присутствие стало стеснять моего друга.

Все это случилось в первый месяц длинных вакаций. Прочие семь недель я просидел дома, занимаясь органической химией.

В один прекрасный день, когда вакации уже подходили к концу и наступила поздняя осень, я получил от моего друга телеграмму. Он умолял меня приехать в Донниторп, так как нуждается в моей помощи и совете.

Он встретил меня на станции в карете. Мне сразу же бросилось в глаза, что за эти два месяца мой друг сильно изменился. Он побледнел, похудел и даже смеялся и говорил не так громко, как прежде.

– Отец умирает! – были его первые слова, которыми он встретил меня.

– Невозможно! – воскликнул я. – В чем дело?

– Апоплексический удар. Нервное потрясение. Весь день он пролежал без сознания. Я сомневаюсь, что мы застанем его в живых.

Я был, как вы можете себе представить, Ватсон, просто поражен этой вестью.

– Что было причиной этого? – спросил я.

– Ах! В этом-то и заключается все. Садитесь в экипаж, дорогой я вам подробно все расскажу. Помните ли вы того человека, который пришел тогда вечером при вас?

– Прекрасно помню.

– Знаете ли вы, кто это был? Кого мы приняли в свой дом?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Это был сам дьявол, Холмс! – воскликнул он.

Я глядел на него в изумлении.

– Да, это был сам дьявол. Мы не имели с той поры ни единого спокойного часа. Отец так больше и не вернулся к своему прежнему расположению духа, и вот теперь он умирает, и все из-за этого проклятого Хадсона.

– В чем же заключалась его сила?

– Ах! Это именно то, что я и сам хотел бы знать. Добрый мой, бедный, гуманный отец! Кто знает, почему он попал во власть этого негодяя? Но я очень рад, что вы приехали ко мне, Холмс. Я верю в справедливость ваших суждений и вашу скромность и знаю, что вы дадите мне хороший совет.

Мы ехали по гладкой ровной дороге. Перед нами расстилалась равнина, блистающая красными лучами заходящего солнца. Из-за рощи налево были видны высокие трубы и развевался флаг. Это и было имение, куда мы ехали.

– Мой отец устроил этого человека у себя, сделав его садовником, – сказал мой спутник, – но это место ему не понравилось, и его сделали дворецким. Он делал все, что только хотел; весь дом находился в его распоряжении. У него были дурные привычки, скверный язык, и служанки скоро начали жаловаться на его приставания. Отец прибавил им жалованья за то, чтобы они не сердились на дворецкого. Он, когда только хотел, брал самое лучшее ружье моего отца, нашу лодку и уходил на охоту. И все это с таким отвратительным, наглым лицом, что я охотно поколотил бы его, если бы он был так же молод, как я. Верьте мне,

Холмс, все это время я сдерживался с большим трудом, а теперь мне приходит в голову, что, может быть, я поступил бы лучше, дав волю своим чувствам. Ну, дела шли все хуже и хуже. В конце концов это животное Хадсон стал положительно невыносим и как-то раз при мне жестоко надерзил моему отцу. Я взял его за плечи и вытолкнул за дверь. Он побледнел и ушел, но в его ядовитых глазах загорелась такая угроза, какую не в состоянии был бы выразить его язык. Не знаю, что произошло после этого между ним и моим бедным отцом, но последний пришел ко мне на другой день и спросил, не желаю ли я извиниться перед Хадсоном. Как вы и можете себе представить, я отказался и спросил отца, как он мог допустить такие вольности со стороны этого негодного человека.

– Ах, мой мальчик, – сказал он, – тебе легко говорить, но если бы ты только был на моем месте и знал всю правду! Но ты узнаешь все, Виктор, я все расскажу тебе. Я верю, что ты не подумаешь ничего дурного о своем бедном старом отце.

Он казался сильно взволнованным, заперся на весь день в своей комнате, и через окно я видел, что он с большим усердием писал что-то.

В этот же день случилось нечто, очень обрадовавшее меня. Хадсон пришел и сказал, что собирается покинуть нас.

Он объявил нам это своим осипшим от пьянства голосом в то время, когда мы сидели в столовой за обедом.

– Мне скучно в Норфолке, – сказал он. – Я отправляюсь в Хэмпшир к мистеру Беддосу. Полагаю, что он так же обрадуется мне, как и вы.

– Мы, надеюсь, расстанемся с вами добрыми друзьями, Хадсон, – сказал мой отец с кротостью, от которой вся кровь закипела во мне.

– Я еще не слышал извинений, – прохрипел он, бросив взгляд в мою сторону.

– Виктор, ведь ты признаешь, что слишком резко обошелся с этим почтенным человеком? – сказал мой отец, обращаясь ко мне.

– Напротив, я придерживаюсь того мнения, что мы оба относились к нему со слишком большим терпением, – ответил я.

- О! вы так-то? - зарычал он, - очень хорошо, прекрасно! Берегитесь же!

Он выбежал из комнаты и через полчаса совсем ушел из нашего дома, оставив моего отца в состоянии сильнейшего нервного возбуждения. С этого дня я слышал, как он по ночам ходил взад и вперед по своей комнате, обдумывая, наверное, средство самозащиты. Но удар разразился над ним очень скоро.

- Как это произошло? - нетерпеливо спросил я.

- Самым необыкновенным образом. Вчера вечером ему подали письмо со штемпелем Фордингбриджа. Отец прочел его, всплеснул руками и принялся кружиться по комнате, как человек, потерявший разум. Когда мне наконец удалось его посадить на диван, я увидел, что его рот был перекошен, а глаза выкатились из орбит; я понял, что с ним случился удар. Доктор Фордэм был тотчас же вызван мною, и мы уложили отца в постель. Но паралич стал распространяться, и отец не приходил в сознание, а теперь, вернувшись домой, мы его, наверное, уже не застанем в живых.

- Вы пугаете меня, Тревор! - воскликнул я. - Что могло заключаться в этом письме такого, что привело к подобному ужасному результату?

- Ничего. В этом-то и заключается все. Письмо было самое обыкновенное и даже вздорное. Ах! Боже мой! Я так и думал!

Когда мы обогнули поворот аллеи к дому, то увидели, что все шторы в окнах были опущены. В ту минуту, когда мой друг с лицом, искаженным горем, приблизился к двери, из нее вышел какой-то господин в черном.

- Когда это случилось, доктор? - спросил Тревор.

- Тотчас же, как только вы уехали.

- Он поручил что-нибудь сказать мне?

- Только то, что бумаги лежат в заднем ящике японского комода.

Мой друг вместе с доктором пошли наверх, в комнату, где лежал мертвый, а я остался в кабинете, обдумывая это дело. На душе у меня было ужасно тяжело.

Каково было прошлое этого Тревора? Боксер, путешественник и золотоискатель, каким образом он познакомился и даже попал во власть этого матроса с неприятным лицом? Почему при одном только намеке на инициалы на его руке он упал в обморок и умер от ужаса, прочтя письмо из Фордингбриджа?

Тут я вспомнил, что Фордингбридж находится в Хэмпшире и что мистер Беддос, про которого упомянул тогда Хадсон и к которому он поехал, очевидно, с целью тоже шантажировать, жил именно в Хэмпшире. Письмо могло быть прислано или Хадсоном, извещавшим, что он исполнил угрозу и выдал тайну, по-видимому, существовавшую, или же от Беддоса, который предостерегал старого товарища об измене. Все это было почти ясно. Но как же это письмо могло быть такого обыкновенного и даже вздорного содержания, как это говорил мой друг?

Он, наверное, плохо прочел его. Или же письмо было написано каким-нибудь секретным, условным образом и было понятно только тому, кому посылалось. Я должен видеть это письмо, и если только оно заключает в себе тайну, то я проникну в нее. Я просидел, обдумывая все это, часа два в темной комнате.

Но вот плачущая служанка принесла лампу, и за ней следом появился мой друг, бледный, но спокойный; он нес в руках вот эти бумаги, которые вы видите у меня на коленях.

Он сел напротив меня, придвинул лампу поближе и подал мне записку, вот эту, нацарапанную на обрывке серой бумаги:

«Спрос на дичь быстро растет. Выслежена партия фазанов. Хадсон уполномочен на все. Про векселя сказал кому следует. Беги к Смиту. Спасая фазаньим самкам жизнь, получишь барыш».

Я уверен в том, что мое лицо тогда выразило совершенно такое же недоумение, как и ваше в то время, когда вы читали эту записку. Я снова внимательно перечитал послание. Я был, очевидно, прав, и слова записки заключали в себе

какой-нибудь скрытый, тайный смысл. Какое значение могли иметь слова, намекавшие на векселя и на фазанов? Если значение этих слов условное, то, конечно, логическим путем тут ничего не сделаешь. Но все-таки у меня было внутреннее убеждение, что весь секрет заключался в этой записке. Слово «Хадсон» убедило меня, что ее писал не матрос, а мистер Беддос. Я попробовал читать с конца, но у меня ничего не вышло. Тогда я стал комбинировать слова и опять безуспешно. Разрешение загадки пришло как-то неожиданно. Я вдруг увидел, что надо читать каждое третье слово. Так вот что повергло в отчаяние старика Тревора! Послание было кратко донельзя. Я прочел его моему другу.

Вот ее содержание:

«Дичь выслежена. Хадсон все сказал. Беги, спасая жизнь».

Виктор Тревор закрыл лицо руками и прошептал:

– Я думаю, что это так и есть. Но это хуже смерти; тут скрывается что-то позорное. Но что значит фраза про дичь и про фазаньих самок?

– Это ровно ничего не значит. Слова эти написаны здесь для того, чтобы замаскировать смысл письма. Очевидно, оно было сначала написано так: Дичь – выслежена – Хадсон – все и т. д.» А затем первыми попавшимися словами заполнили промежутки в строчках. Он мог воспользоваться для этого именно первыми попавшимися под руку словами, но возможно и то, что он употребил слова, касающиеся его профессии или привычек. Может быть, он занимается спортом, страстный охотник или что-нибудь в этом роде. Вы ничего не знаете про Беддоса?

– Да, теперь, когда вы намекнули на это, я вспомнил, что каждый год, осенью, мой отец получает от него приглашение на охоту.

– В таком случае нет никакого сомнения, что письмо написал он. Теперь нам остается только узнать, в чем состоит секрет, которым владеет матрос Хадсон и которым он грозил этим двум бравым и почтенным джентльменам.

– Увы, Холмс! – воскликнул мой друг. – Я боюсь, что тут ничего нет, кроме позора. Но я не хочу иметь тайны от вас! Вот эта бумага написана моим отцом перед смертью, когда он узнал, что ему грозит неминуемая опасность со стороны Хадсона. Я нашел ее в японском комодe, как и сказал доктор. Возьмите ее и прочтите мне, потому что у меня самого не хватает на это ни сил, ни мужества.

– Вот они, эти бумаги, Ватсон, те самые, которые он мне вручил. И я хочу теперь прочесть их вам точно так же, как читал их некогда ему там, в старом кабинете. Это вот, как видите, «Подробности о плавании судна «Слава Шотландии» со дня его выхода из Фалмута 8 октября 1855 года и до его гибели 6 ноября». Написаны эти записки в форме письма, и вот его содержание:

«Мой милый, дорогой сын. Теперь, когда близок позор, готовящийся мне, когда глаза мои готовы навеки сомкнуться, я не хочу более молчать и пишу тебе всю правду. До этого времени я не говорил этого никому не вследствие страха суда, не вследствие боязни потерять положение в обществе, не вследствие стыда перед всеми, кто знал меня, но единственно только из боязни, что ты, мой дорогой сын, будешь краснеть за своего отца, которого ты привык только любить и, надеюсь, имел достаточно причин уважать.

И если удару суждено разразиться, то я хочу, с одной стороны, чтобы ты прямо от меня узнал истину и мог судить, в какой мере я заслуживаю порицания. С другой же стороны, если гроза пронесется и все пойдет по-старому (что, может быть, и случится по милости Божьей), то я молю тебя, в случае, если эта бумага попадет в твои руки, молю тебя всем святым для тебя, памятью твоей матери, сожги ее и никогда о ней не вспоминай потом.

Итак, в то время, когда твои глаза будут пробегать эти строки, я, вероятно, буду уже со срамом и позором изгнан из своего собственного дома, или – ведь ты знаешь, что сердце у меня больное, – буду мертв и в могиле.

Во всяком случае, теперь прошло уже время молчания. Все, что я пишу здесь, истинная правда, в этом я клянусь надеждой на спасение своей души. Мое имя, мой дорогой мальчик, не Тревор. Я звался Джеймс Эрмитедж в дни моей юности, и ты поймешь мой испуг, когда твой друг намекнул на инициалы на моей руке и когда я подумал, что он узнал мою тайну. В качестве Эрмитеджа я поступил в один из лондонских банков служащим и в качестве Эрмитеджа нарушил законы

своей страны, за что и был сослан. Не надо думать обо мне слишком дурно, мой дорогой. Это был, как говорят, долг чести, и я должен был заплатить его во что бы то ни стало. И я взял деньги, которые не принадлежали мне, но я надеялся вернуть их прежде, нежели кто-нибудь узнает об этом. Но меня преследовала неудача. Я не успел еще собрать денег, чтобы пополнить кассу, как ее проверили и мой дефицит открылся. В наше время на подобный проступок взглянули бы, вероятно, более мягко, но тридцать лет тому назад были иные нравы. Меня судили, присудили к каторге, и я, имеющий всего двадцать два года от роду, очутился вместе с другими каторжниками на судне «Слава Шотландии», которое направлялось в Австралию.

Это было как раз во время Крымской войны, в 1855 году, и все большие транспортные суда были на Черном море. Вследствие этого правительство было вынуждено отправлять своих ссыльных на небольших судах. «Слава Шотландии» прежде употреблялась для привоза из Китая чайных транспортов, но вследствие того, что судно это было старой конструкции и уже довольно ветхое, его заменили новыми судами. «Слава Шотландии» брала на борт 500 тонн груза и кроме тридцати восьми ссыльных имела экипаж, состоящий из двадцати шести человек команды, капитана, трех штурманов, священника, четырех стражников и восемнадцати солдат. Когда мы вышли из Фалмута, на судне было всего около ста человек.

Перегородки между камерами для заключенных на этом судне были чрезвычайно тонкие, между тем как на других судах, употребляемых специально для перевозки каторжников, они делались из твердого дуба. Слева от меня помещался один ссыльный, обративший мое внимание еще на набережной. Он был молод, лицо его было начисто выбрито, нос длинный, а челюсти крепкие и сильно развитые. Он держал голову высоко и прямо, ходил легкой и свободной поступью, но более всего отличался своим громадным ростом. Я уверен, что он был росту не менее шести с половиной футов, потому что никто из нас не доставал головой до его плеча. Странно было глядеть на его веселое, полное жизни и энергии лицо наряду с убитыми, грустными лицами остальных. Довольно было только взглянуть на него, чтобы тотчас же почувствовать бодрость. И я был очень рад, узнав, что он попал ко мне в соседи. Но радость моя еще более увеличилась, когда глубокой ночью почти над самым моим ухом я услышал шепот и, открыв глаза, увидел, что он просверлил дыру в разделяющей нас перегородке.

– Друг мой! – сказал он, – как вас зовут и за что вы очутились здесь?

Я сказал ему и в свою очередь осведомился, кто он.

– Я Джек Прендергаст, – сказал он, – и клянусь Богом, что вы будете благословлять тот момент, когда впервые услышали мое имя.

Я прекрасно помнил его дело, произведшее громадную сенсацию повсюду в стране незадолго до того, когда я был арестован. Он принадлежал к очень хорошей семье и был очень образован. Но, обладая в то же время крайне порочными наклонностями и привычками, он выкинул какое-то гениальное мошенничество, сделал подлог и ограбил на крупную сумму лондонских купцов.

– Вы помните мое дело! – с гордостью произнес он.

– Очень хорошо помню.

– В таком случае вы должны помнить также, что один пункт в моем деле остался невыясненным.

– Какой пункт?

– У меня было около четверти миллиона, не так ли?

– Так говорили.

– А было ли что-нибудь найдено, а?

– Нет.

– Так. А где, вы полагаете, находятся эти деньги?

– Не имею понятия.

– То-то вот и есть, – воскликнул он с триумфом. – Благодаря Бога, у меня было денег больше, чем у вас волос на голове. А если у вас есть деньги, сын мой, и вы умеете распорядиться ими, то возможно достигнуть всего. Ну, как вы можете видеть, человек, подобный мне, вовсе не намерен сидеть в тухлой норе, на этом

поганом старом китайском судне. Нет, сэр, такой человек пожелает прежде всего освободиться сам и освободить также и своих товарищей. Можете быть уверены, что это так. Верьте мне, и я не обману ваших надежд.

Он говорил таким образом, и я сначала не придавал значения его словам, считая их простой болтовней. Но он, очевидно, решил, что испытал меня в достаточной степени, и сообщил мне, что, в самом деле, существует заговор среди заключенных, чтобы овладеть судном. Двенадцать человек ссыльных задумали это еще до отплытия судна из порта. Прендергаст был избран вожаком партии, а его деньги должны были служить нам двигательной силой.

– У меня есть союзник, – продолжал он, – это на редкость хороший человек. Деньги мои у него, а он сам, как вы полагаете, где в данную минуту находится? Он состоит священником на нашем судне; да, он всего только священник здесь. Он пришел одетым в черное платье, его бумаги оказались в прекрасном порядке. Денег он имел также достаточно для того, чтобы приобрести симпатии. И теперь команда предана ему телом и душой. Двое стражников подкуплены им, один шкипер также; он мог бы подкупить самого капитана, но в этом нет надобности.

– Что мы должны делать? – спросил я.

– А вы думаете – что? – ответил он. – Мы сделаем так, что куртки солдат станут еще краснее, чем были тогда, когда их сшил портной.

– Но они вооружены! – сказал я.

– И у нас будет оружие, мой мальчик. Для каждого хорошего парня найдется пара пистолетов, и если мы не перебьем команду и не овладеем судном, то нас следует послать в пансион для благородных девиц. Попробуйте еще сегодня ночью поговорить с вашим соседом, чтобы убедиться, не выйдет ли толку из него.

Я так и сделал. Моим соседом по другую сторону оказался какой-то молодой человек, совершивший преступление, сходное с моим, и сосланный за подлог. Имя его было Эванс. Впоследствии он, как и я, переменял имя и живет теперь на юге Англии богатым и всеми уважаемым человеком. Он быстро изъявил согласие принять участие в нашем заговоре. Это был единственный шанс спасения.

Прошло еще несколько дней, и о заговоре не знали всего только двое из заключенных. Один из них был полоумный, а другой тяжело больной, который не мог быть нам полезным.

Сначала казалось так, что для овладения судном нам не встретится никаких препятствий. Вся команда была точно нарочно подобрана из отъявленных негодяев. Самозванный священник усердно посещал каждого из нас, радея о спасении наших душ, но каждый раз его сапоги и карманы были наполнены, так что по прошествии нескольких дней у каждого из нас под подушкой лежало уже по пистолету, по фунту пороха и по двадцать патронов. Двое конвойных состояли агентами Прендергаста, а второй шкипер был его правой рукой. Капитан, два шкипера, лейтенант Мартин, его восемнадцать солдат, да еще доктор – вот и все наши враги.

Все-таки мы, не пренебрегая никакими предосторожностями, хотели совершить нападение ночью и внезапно. Но все произошло несколько раньше, чем мы думали, и случилось это так.

Однажды вечером, в конце третьей недели нашего плавания, доктор пришел к одному из узников, который заболел, и, случайно просунув руку под изголовье, нащупал пистолет. Если бы он промолчал, то все дело обошлось бы на этот раз. Но доктор был человек нервный и от испуга вскрикнул. Больной, увидев его бледное лицо, догадался, в чем дело, и мгновенно бросился на доктора. Он был привязан к койке еще раньше, чем успел поднять тревогу. Дверь после его прихода осталась не запертой, и все мы кинулись наверх. Двое часовых возле трюма были убиты вместе с их унтер-офицером.

Возле двери кают-компания также стояли двое солдат. Но их ружья были не заряжены, и через секунду они оба уже лежали мертвыми. Когда мы бросились к каюте капитана, дверь в которую была отворена, мы услышали звук выстрела из револьвера. Капитан лежал лицом на столе, уткнувшись в карту, которую он только что рассматривал перед этим. Возле него стоял священник, держа в руке револьвер, который еще продолжал дымиться. Оба шкипера были связаны, и мы думали, что дело наше закончено. Двери кают-компания были открыты настежь, мы все столпились в ней, шумели, кричали точно помешанные от радости, что снова очутились на свободе. Вдоль всей комнаты стояли шкафы. Вильсон, мнимый священник, отпер один из шкафов и вытащил из него дюжину бутылок старого хереса. Мы отбили горлышки у бутылок и уже собирались выпить на радостях за успешное окончание нашего дела, как вдруг раздался ружейный

залп и комната наполнилась дымом до такой степени, что мы не могли видеть друг друга. Когда дым несколько рассеялся, комната превратилась в бойню. Вильсон и восемь других узников были убиты и ранены. Херес, пролитый на стол, смешался с кровью, и даже теперь, когда я вспоминаю эту картину, волосы поднимаются на моей голове. Это неожиданное нападение до такой степени испугало нас, что мы были бы побеждены неминуемо, если бы не Прендергаст. Он заревел как бык и ринулся в дверь, сопровождаемый всеми оставшимися в живых узниками.

На палубе стоял лейтенант, окруженный своими десятью солдатами. Последние не успели еще зарядить ружья снова, как мы бросились на них. Они сопротивлялись мужественно, но мы одолели – и через пять минут все было кончено. Боже мой! Была ли еще где-нибудь такая ужасная резня! Прендергаст был похож на дьявола. Он точно малых детей хватал солдат и швырял их за борт. Один сержант, смертельно раненный, долго держался на воде, пока его кто-то из нас из жалости не прикончил. Наконец битва окончилась; за исключением нас самих, на судне остались только конвойные и доктор.

Из-за них-то между нами вспыхнула жестокая ссора. Среди нас оказалось много таких, которые, обрадованные свободой, не желали убивать невинных людей ни за что ни про что. Одно дело – убивать солдат, которые вооруженными бросаются на вас, а другое – стоять и смотреть, как льется кровь беззащитных. Восемь человек, в числе которых находились три матроса из экипажа, объявили, что они не желают допустить это. Но Прендергаст, поддерживаемый некоторыми другими, не хотел ничего и слышать. Он говорил, что наш единственный шанс на спасение именно и заключается в том, чтобы не было свидетелей этой кровавой резни. Дело дошло до того, что мы едва не разделили участь несчастных узников. Но наконец он предложил нам сесть в лодку и уехать. Мы схватились за это предложение, потому что бойня нам уже опротивела и можно было ожидать чего-нибудь еще худшего.

Мы взяли с собой немного матросской одежды, запаслись водой, сухарями и компасом. Прендергаст сам проводил нас до лодки, сказал нам, чтобы мы назвали себя потерпевшими крушение моряками, судно которых затонуло под 15° северной широты и 25° западной долготы, затем отрубил канат, и мы отплыли от судна.

А теперь, мой дорогой сын, я подхожу к самой удивительной части в моей истории. «Слава Шотландии» медленно удалялась от нас. Мы с Эвансом, как

самые образованные из всей нашей партии люди, стали размышлять, куда нам направиться. Положение было затруднительное. Кабо-Верде^[2 - Кабо-Верде - Острова Зеленого мыса. - (Прим, ред.)] находился от нас в 500-х милях к северу, а для того, чтобы добраться до Африки, нужно было сделать 700 миль в восточном направлении. В конце концов мы решили направиться в Сьерра-Леоне. В тот момент «Слава Шотландии» находилась уже на горизонте. Мы взглянули на нее и вдруг увидели черный, наподобие громадного столба, дым, поднимающийся с судна. В следующую затем секунду раздался оглушительный, точно громовой удар. А когда дым несколько рассеялся, от «Славы Шотландии» не осталось ни малейшего следа.

В одну минуту мы повернули нашу лодку и, гребя изо всех сил, направились на место катастрофы. Вспененная и расходящаяся кругами вода указывала нам место, где находилось за минуту перед тем судно. Прошел добрый час, прежде чем мы успели доплыть туда, и мы потеряли уже всякую надежду спасти кого-нибудь. Повсюду вокруг плавали обломки мачт, деревянная посуда, пустые бочки, но не видно было ни малейших признаков живого существа. Мы уже повернули было обратно, как вдруг услышали крик о помощи и на некотором расстоянии от лодки увидели человека, который держался за обломок мачты. Когда мы взяли его в лодку, то оказалось, что это молодой матрос по имени Хадсон. Он обгорел до такой степени, что только на следующее утро был в состоянии что-нибудь рассказать нам.

Оказалось, что как только мы успели отплыть, Прендергаст и его сторонники приступили к казни пятерых узников: прежде всего пристрелили двух стражников и выбросили их за борт; точно такая же участь постигла и третьего шкипера. После этого Прендергаст спустился в нижнее помещение и собственными руками зарезал несчастного доктора. Остался только первый шкипер, который был находчивый и энергичный человек. Как только он увидел, что убийца с окровавленным ножом приближается к нему, он с силой дернул путы на руках, оборвал их и в два прыжка сбежал с палубы в трюм.

Человек двенадцать заговорщиков с пистолетами в руках сошли вслед за ним вниз и увидели его со спичечной коробкой в руках, сидящего перед открытой бочкой пороха. Всех бочек было на пароходе сто. Шкипер закричал, что он взорвет всех, если его кто тронет.

В ту же секунду раздался взрыв, хотя Хадсон полагает, что он был скорее следствием выстрела, нежели произошел от спички шкипера. Но от чего бы ни

произошел взрыв, судно «Слава Шотландии» погибло вместе с той сволочью, которая им овладела.

Вот какова была, мой дорогой мальчик, та ужасная история, в которую я был невольно вовлечен.

На следующий день мы встретили судно «Хотспур», шедшее в Австралию. Капитан этого судна взял нас на борт, легко поверив, что мы спасшиеся от кораблекрушения. «Слава Шотландии» была записана в адмиралтействе в число судов, пропавших без вести, и никто даже до сих пор и не подозревает, какова ее настоящая участь. После благополучного плавания «Хотспур» пришел в Сидней. Я и Эванс переменили фамилии и отправились на золотые прииски, где обыкновенно собираются люди всех национальностей и где чрезвычайно трудно установить тождество чьей-нибудь личности.

Остальное рассказывать не стоит. Мы работали, разбогатели, вернулись в Англию и сделались богатыми землевладельцами. Мы прожили мирно, спокойно более двадцати лет, думая, что прошлое кануло в вечность. Представь же себе теперь, что я должен был почувствовать, когда к нам явился неизвестный моряк, в котором я тотчас же узнал человека, некогда спасенного нами! Он, очевидно, проследил нас как-нибудь и решил использовать наш страх в свою пользу. Теперь ты легко поймешь, почему я изо всех сил стремился сохранить с ним добрые отношения. И ты пожалеешь меня, когда узнаешь, под каким я жил страхом после того, как этот человек ушел от меня с угрозами к другой своей жертве».

Внизу приписано неразборчивым почерком, который можно прочесть с трудом:

«Беддос извещает меня шифрованной запиской, что Х. рассказал все. Создатель, будь милостив к нам, грешным».

Вот все то, что я прочел в ту ночь молодому Тревору, и я думаю, Ватсон, что в обстоятельствах этого дела есть очень много драматического. Добряк Тревор был опечален всем этим до такой степени, что уехал отсюда в Терай торговать

чаем, где находится и по сие время. Слышно, что он там процветает. Что же касается матроса и Беддоса, то со времени получения последнего рокового письма о них ничего не было более известно – оба они исчезли бесследно. В полицию никаких донесений не поступало, так что опасения покойного Тренора были напрасны: Хадсон только грозил. В последнее время его видели кое-кто, и полиция думала, что он, убив Беддоса, убежал. Я думаю иначе. Весьма вероятно, что Беддос, доведенный до отчаяния угрозами Хадсона, убил его и бежал из страны, захватив с собой столько денег, сколько их имел под рукой.

Вот и все факты этого дела, доктор, и если оно годится в нашу коллекцию, то вы можете воспользоваться им.

Месгрэвский обряд

«Месгрэвский обряд» (The Adventure of the Musgrave Ritual), около 1879,
Западный Суссекс (West Sussex)

В характере моего друга Шерлока Холмса меня всегда поражала одна аномалия: самый аккуратный и методический человек во всем, что касалось умственных занятий, опрятный и даже, до известной степени, изысканный в одежде, он был одним из тех безалаберных людей, которые способны свести с ума того, кто живет в одной квартире с ними. Я сам не могу считать себя безупречным в этом отношении, так как жизнь в Афганистане развила мою природную склонность к бродячей жизни сильнее, чем приличествует медику. Но все-таки моей неаккуратности есть границы, и когда я вижу, что человек держит сигары в корзине для углей, табак – в носке персидской туфли, а письма, на которые не дано еще ответа, прикалывает ножом в самую середину деревянной обшивки камина, то начинаю считать себя добродетельным человеком. Я, например, всегда думал, что стрельба из пистолета – занятие, которому следует предаваться на открытом воздухе, а Холмс иногда, когда на него находит странное расположение духа, сидит себе, бывало, в своем кресле со своим

револьвером и сотней патронов и начинает украшать противоположную стену патриотическим вензелем «V R.»[З - VR., или Victoria Regina (лат.) – Королева Виктория. – (.Прим. ред.)] при помощи пуль, что, конечно, не служило к украшению комнаты и не очищало ее атмосферу.

Наши комнаты всегда бывали полны разными химическими реактивами и вещественными доказательствами, которые часто попадали в совсем неподходящие места и оказывались то в масленке, то еще где-нибудь, где их еще менее можно было ожидать. Но самый мой тяжелый крест составляли бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно имевшие отношение к делам, в которых он принимал участие, а между тем разобрать их у него хватало энергии только раз в год а иногда и в два. Как я уже упоминал в моих заметках, набросанных без всякой связи, за вспышками страшной энергии, во время которых он занимался делами, давшими ему известность, наступала реакция, когда он лежал целыми днями на софе, погруженный в чтение и игру на скрипке, поднимаясь только для того, чтобы перейти к столу. Таким образом, бумаги копились месяц за месяцем и все углы комнаты бывали набиты связками рукописей, которых нельзя было ни сжечь, ни убрать без разрешения их владельца.

В один зимний вечер, когда мы сидели у камина и он только что кончил вписывать краткие заметки в свою записную книжку, я решился предложить ему употребить следующие два часа на приведение нашей комнаты в более жилой вид. Холмс не мог отрицать справедливости моей просьбы, а потому отправился с унылым лицом в свою спальню и вскоре вышел оттуда, таща за собой большой жестяной ящик. Он поставил его посреди комнаты и, тяжело опустившись на стул перед ним, открыл крышку. Я увидел, что ящик наполнен до трети пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

– Тут много дел, Ватсон, – проговорил он, смотря на меня лукавым взглядом. – Я думаю, если бы вы знали, что лежит у меня в этом ящике, вы попросили бы меня вынуть отсюда некоторые бумаги, вместо того чтобы укладывать новые.

– Это, вероятно, заметки о ваших ранних работах, – спросил я. – Мне часто хотелось познакомиться с ними.

– Да, мой милый, все это дела, совершенные до появления возвеличившего меня биографа.

Нежным, ласковым движением он вынимал одну связку за другой.

– Не все здесь успехи, Ватсон, – сказал он, – но есть и хорошенькие задачки. Вот воспоминания о тарлетонском убийстве, о деле виноторговца Вамбери, о приключении русской старухи, о странном деле с алюминиевым костылем, полный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А вот – ага! Это действительно нечто выдающееся.

Он опустил руку на самое дно ящика и вытащил маленький деревянный ящичек с выдвигающейся крышкой, вроде тех, в которых держат детские игрушки. Оттуда он вынул клочок смятой бумаги, старинный медный ключ, деревянный колышек с привязанным к нему клубком веревок и три ржавых металлических кружка.

– Ну-с, мой милый, какого вы мнения насчет этого? – спросил он, улыбаясь выражению моего лица.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная, а связанная с ними история и того любопытнее.

– Так у этих реликвий есть своя история?

– Они сами история.

Шерлок Холмс вынул все вещи одну за другой и разложил их на столе. Потом он сел на стул и окинул их довольным взглядом.

– Вот все, что осталось у меня, как воспоминание о «Месгрэвском обряде», – сказал он.

Я не раз слышал, как он упоминал об этом деле, но не знал его подробностей.

– Как бы я был рад, если бы вы рассказали мне все подробно, – сказал я.

– И оставил бы весь этот хлам небраным? – со злорадством проговорил Холмс. – А где же ваша хваленая аккуратность, Ватсон? Впрочем, я буду очень

рад, если вы внесете этот случай в ваши записки; в нем есть некоторые пункты, делающие его единственным в уголовной хронике не только нашей, но, я думаю, и всякой другой страны. Коллекция достигнутых мною пустячных успехов не была бы полна без отчета об этом странном деле.

Вы, может быть, помните, как дело «Славы Шотландии» и мой разговор с несчастным человеком, судьбу которого я рассказал вам, впервые обратили мое внимание на профессию, ставшую делом моей жизни. Вы видите меня теперь, когда мое имя приобрело широкую известность и когда общество и официальная власть признают меня высшей апелляционной инстанцией в сомнительных случаях. Даже тогда, когда вы только что познакомились со мной и описали одно из моих дел под названием «Красное по белому», у меня уже была большая, хотя не особенно прибыльная, практика. Поэтому вы и представить себе не можете, как было мне трудно пробиться в жизни.

Когда я приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, как раз у Британского музея. Тут я жил некоторое время, заполняя свои многочисленные часы досуга изучением тех отраслей науки, которые могли понадобиться мне. Временами подвергались дела, главным образом по рекомендации товарищей-студентов, так как в последние годы моего пребывания в университете там много говорили обо мне и о моем методе. Третье из этих дел было дело о «Месгрэвском обряде», которому я обязан первым шагом к моему теперешнему положению благодаря возбужденному им интересу и важным последствиям.

Реджинальд Месгрэв воспитывался в одном колледже со мной, и я был несколько знаком с ним. Товарищи не особенно любили его, считая гордецом, хотя мне лично казалось, что гордость его была напускная и за ней скрывалась робость и неуверенность в своих силах. Наружность его была чисто аристократическая: тонкий прямой нос, большие глаза, небрежные и вместе с тем изящные манеры. И действительно, он был отпрыском одной из древнейших фамилий королевства, хотя и по младшей ветви, отделившейся от северных Месгрэвов в шестнадцатом столетии и поселившейся в западном Сассексе, где замок Херлстон является, быть может, древнейшим из всех обитаемых жилищ графства. На молодом человеке как будто лежал отпечаток его родины, и всякий раз, когда я глядел на его бледное, умное лицо, на посадку его головы, перед моими глазами восставали потемневшие своды, решетчатые окна и все особенности феодального жилища. Иногда нам приходилось разговаривать друг с другом, и я помню, что он всегда выказывал живейший интерес к моему способу исследований и выводов.

Четыре года я не видел его, как вдруг в одно прекрасное утро он вошел в мою комнату на Монтегю-стрит. Он мало изменился, одет был по моде – он всегда был франтом – и сохранил спокойные, изящные манеры, которыми отличался прежде.

– Как поживаете, Месгрэв? – спросил я, обменявшись с ним дружеским рукопожатием.

– Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца. – сказал он. – Он умер около двух лет тому назад. С тех пор мне, само собой разумеется, пришлось взять на себя управление имением Херлстон, а так как я вместе с тем депутат от своего округа, то дел у меня много. Вы же, Холмс, как я слышал, стали применять на практике те способности, которым мы удивлялись в былое время.

– Да, – ответил я, – способности свои я употребил в дело.

– Очень приятно слышать это, так как ваш совет драгоценен для меня в настоящее время. У нас в Херлстоне случились очень странные вещи, а полиции не удалось ничего выяснить. Дело действительно самое необыкновенное и необъяснимое.

Можете себе представить, с каким интересом я слушал его, Ватсон. Наконец-то передо мной был тот случай, которого я тщетно ожидал в продолжение долгих месяцев бездействия. В глубине души я был уверен, что могу иметь успех там, где других постигла неудача. Теперь мне представляется случай испытать себя. «Сообщите мне, пожалуйста, все подробности!» – воскликнул я.

Реджинальд Месгрэв сел напротив меня и закурил сигарету, которую я предложил ему.

– Надо вам сказать, – начал он, – что хотя я и холост, но мне приходится держать в Херлстоне значительное количество прислуги, так как это – старинное поместье, требующее постоянного присмотра. Кроме того, во время охоты на фазанов у меня обыкновенно гостят знакомые, так что нельзя обойтись малым числом прислуги. Всего у меня восемь служанок, повар, дворецкий, два лакея и мальчик. Для сада и для конюшен, понятно, есть отдельные слуги.

Изо всей этой прислуги дольше всех у нас в доме жил Брайтон, дворецкий. В молодости он был учителем, но остался без места, и отец взял его к себе. Этот человек, очень энергичный и сильного характера, скоро сделался незаменимым в нашем доме. Он был высок, красив собой, с великолепным лбом, и, хотя он служил у нас двадцать лет, на вид ему теперь не более сорока лет. Удивительно, что при подобной наружности и выдающихся способностях – он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах – удивительно, говорю я, что он так долго довольствовался занимаемым им положением. Впрочем, я думаю, что ему жилось спокойно и у него не хватало энергии для какой-либо перемены. Херлстонского дворецкого помнят все, кто гостил у нас.

Но у этого совершенства был, однако, один недостаток. Он изрядный донжуан, и вы, конечно, можете себе представить, что такому человеку было нетрудно разыгрывать эту роль в спокойном деревенском уголке.

Пока Брайтон был женат, все шло хорошо, но с тех пор, как овдовел, он доставлял нам много хлопот. Несколько месяцев тому назад мы надеялись было, что он остепенится, так как сделал предложение Рэйчел Хоуэлле, нашей второй горничной; но вскоре он бросил ее и стал ухаживать за Джанет Треджелис, дочерью главного ловчего. Рэйчел – очень хорошая девушка, но вспыльчивая и впечатлительная, с истинно валлийским темпераментом, – захворала острым воспалением мозга и теперь бродит по дому, или, по крайней мере, бродила до вчерашнего дня, как черноглазая тень той девушки, какой была прежде.

Это – первая наша драма в Херлстоне, но вторая заставила нас забыть о ней. Этой второй драме предшествовало позорное изгнание дворецкого Брайтона.

Вот как это случилось. Я уже говорил, что это был умный человек. Ум и погубил его, возбудив в нем ненасытное любопытство относительно вещей, совершенно его не касавшихся. Я ничего не подозревал, пока неожиданный случай не открыл мне глаза.

Однажды ночью на прошлой неделе – именно в четверг – я никак не мог заснуть, выпив, по глупости, после обеда чашку крепкого черного кофе. Не заснув до двух часов ночи и потеряв всякую надежду на сон, я встал и зажег свечу, намереваясь продолжать чтение романа, который я начал днем. Книга осталась в бильярдной, а потому я надел халат и отправился за ней.

Чтобы попасть в бильярдную, мне надо было спуститься с лестницы и затем пройти через коридор, который ведет в библиотеку и комнату, где хранится оружие. Можете себе представить мое изумление, когда, заглянув в коридор, я увидел свет, выходящий через отворенную дверь библиотеки. Я сам погасил там лампу и запер дверь, когда пошел спать. Естественно, первой моей мыслью было, что в дом забрались воры. Коридоры Херлстона в изобилии украшены всякого рода старинным оружием. Я схватил первую попавшуюся секиру, поставил свечу сзади себя, пробрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь.

В библиотеке оказался дворецкий Брайтон. Он сидел в кресле, держа на коленях какую-то бумагу, похожую на карту или план. Он наклонился над ней, очевидно, в глубоком раздумье. Я остолбенел от изумления и молча наблюдал за ним, стоя в темноте. При слабом свете маленького огарка, стоявшего на краю стола, я разглядел, что Брайтон вполне одет. Вдруг он встал с кресла, подошел к бюро, стоявшему в стороне, отпер его и выдвинул один из ящиков. Оттуда он вынул какую-то бумагу; затем, вернувшись на место, положил ее на стол рядом с огарком и стал разглядывать с величайшим вниманием. Негодование охватило меня при виде невозмутимого спокойствия, с которым он рассматривал наши фамильные документы. Я невольно сделал шаг вперед. Брайтон поднял голову и увидел, что я стою в дверях. Он вскочил на ноги с мертвенно-бледным лицом и сунул за пазуху похожую на карту бумагу, которую он так внимательно изучал.

– Так вот как вы оправдываете доверие, которое мы оказывали вам? – сказал я. – Завтра вы оставите вашу службу.

Он поклонился с видом совершенно уничтоженного человека и молча проскользнул мимо меня. Огарок был еще на столе, и при свете его я взглянул на бумагу, которую Брайтон вынул из бюро. К моему удивлению, это оказалось вовсе не важным документом, а копией вопросов и ответов, употребляющихся при странном старинном обычае, называемом «Месгрэвским обрядом». Это – вид особой церемонии, составляющей особенность нашего рода в течение многих веков и совершаемой каждым Месгрэвом при достижении совершеннолетия. Этот обряд имеет частное значение и может быть интересен разве только для археолога, как наши гербы и девизы. Практической же пользы из него не извлечь.

– Лучше мы после поговорим об этой бумаге, – заметил я.

– Если вы считаете это необходимым, – несколько колеблясь, ответил Месгрэв. – И так, буду продолжать свой рассказ. Я запер бюро ключом, оставленным Брайтоном, и только повернулся, чтобы выйти из комнаты, как с изумлением заметил, что дворецкий вернулся и стоял передо мной.

– Мистер Месгрэв, сэр! – воскликнул он хриплым, взволнованным голосом. – Я не могу перенести бесчестия. Я всегда был горд не по положению, и бесчестие убьет меня. Кровь моя падет на вашу голову, сэр, если вы доведете меня до отчаяния. Если вы не можете оставить меня у себя после того, что случилось, то, ради бога, дайте мне месяц срока, как будто я сам отказался и уйду по своей доброй воле. Это я могу перенести, мистер Месгрэв, но мне не перенести, если вы выгоните меня из дома на глазах всех, кого я так хорошо знаю.

– Вы заслуживаете снисхождения, Брайтон, – ответил я. – Ваше поведение в высшей степени неблагоприятно, но так как вы долго служили в нашей семье, я не хочу порочить вас публично. Однако месяц – это слишком долгий срок. Уезжайте через неделю под каким угодно предлогом.

– Через неделю, сэр! – закричал он в отчаянии. – Хоть две недели... дайте мне, по крайней мере, две недели...

– Неделю! – повторил я. – И то считайте, что я поступил с вами еще слишком снисходительно.

Он медленно вышел из комнаты, опустив голову на грудь, как сломленный человек, а я загасил свечу и вернулся к себе в комнату.

В продолжение двух дней после этого случая Брайтон исполнял свои обязанности особенно тщательно. Я не намекал на прошедшее и с некоторым любопытством ожидал, как ему удастся скрыть свой позор. Но на третье утро он не пришел ко мне, как обыкновенно, за приказаниями на этот день. Выходя из столовой, я случайно встретил горничную Рэйчел Хоуэлле. Я говорил вам, что она только что оправилась от болезни и теперь была так страшно бледна и худая, что я побранил ее, зачем она работает.

– Вам следовало бы лежать в постели, – сказал я, – за работу же приметесь, когда выздоровеете.

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что у меня в голове мелькнула мысль, не сошла ли она с ума.

– Я уже достаточно окрепла, мистер Месгрэв, – сказала она.

– Посмотрим, что скажет доктор, – ответил я. – Теперь же оставьте всякую работу и, когда пойдете вниз, скажите Брайтону, что мне нужно его видеть.

– Дворецкий пропал, – сказала она.

– Пропал! Как пропал?

– Пропал. Никто не видел его. В его комнате его нет. О! Он уехал... уехал...

Она прислонилась к стене и разразилась громкими криками и резким хохотом. Испуганный этим внезапным истерическим припадком, я бросился к звонку, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Девушку, продолжавшую рыдать и хохотать, отнесли в ее комнату, а я справился о Брайтоне. Не оставалось ни малейшего сомнения, что он исчез. Постель его оказалась нетронутой; никто его не видел после того, как он ушел вечером к себе в комнату. Трудно было, однако, догадаться, как он мог выйти из дому, так как все окна и двери утром были найдены запертыми. Платье, часы и даже деньги Брайтона оказались в комнате; недоставало только черной пары, которую он обыкновенно носил. Не было также туфель, но сапоги оказались на месте. Куда же мог дворецкий Брайтон уйти ночью и что с ним случилось?

Конечно, мы обыскали весь дом с чердака до подвала, но нигде не нашли Брайтона. Дом, как я уже говорил, представляет собой целый лабиринт, особенно первоначальная постройка, в которой, собственно, теперь никто не живет; однако мы обыскали каждую комнату, каждую каморку и не нашли и следа пропавшего. Мне казалось невероятным, чтобы он мог уйти, оставив все свое имущество, а между тем где же он мог быть? Я призвал местную полицию, но и это не принесло успеха. Накануне ночью шел дождь, мы осмотрели лужайку и аллеи вокруг дома, но понапрасну. Таково было положение дела, когда новое обстоятельство совершенно отвлекло наше внимание от первоначальной тайны.

Два дня Рэйчел Хоуэлл была так больна, что пришлось на ночь приставить к ней сиделку. Она то лежала в забытьи, то впадала в истерику. На третью ночь после

исчезновения Брайтона сиделка, видя, что больная заснула спокойно, сама задремала в кресле. Когда она проснулась рано утром, то увидела, что кровать пуста, окно открыто, а больной и следа нет. Меня тотчас же разбудили. Я взял с собой двух лакеев и отправился искать пропавшую девушку. Не трудно было определить направление, по которому она пошла. Под окном ясно были видны следы, которые шли через лужайку к пруду, где исчезали у песчаной дорожки, ведущей из имения. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины, и вы можете себе представить, что мы почувствовали, когда увидели, что след несчастной девушки вел прямо к краю пруда.

Мы сейчас же вооружились баграми и принялись за поиски тела, но ничего не нашли. Но зато мы вытащили совершенно уж неожиданный предмет Холщовый мешок с массой заржавленного, потерявшего цвет металла и тусклыми кусочками гальки или стекла. Эта странная находка была все, что нам удалось выловить из озера, и, несмотря на все поиски и расспросы, мы так ничего и не знаем о судьбе Рэйчел Хоуэлле и Ричарда Брайтона. Местная полиция просто теряется в догадках, и я пришел к вам, как к последней надежде.

Можете себе представить, Ватсон, с каким интересом я выслушал рассказ об этом необычайном стечении обстоятельств, как я пытался сопоставить их и найти общую связь между ними. Исчез дворецкий. Исчезла горничная. Девушка любила дворецкого, но потом имела причину возненавидеть его. Она валлийка – страстная, необузданная. Известно, что немедленно после исчезновения Брайтона она была в страшно возбужденном состоянии. Она бросила в пруд мешок с какими-то странными предметами. Все это факты, которые следовало принять во внимание, но они не объясняли сути дела. Где исходная точка этой цепи событий? Только конец запутанной цепи лежал передо мной.

– Мне нужно взглянуть на бумаги, которые так заинтересовали вашего дворецкого, что он рискнул потерять место, – сказал я.

– В сущности, этот наш обряд – довольно большая нелепость, – ответил Месгрэв, – извинительная только благодаря своему старинному происхождению. Копия ответов и вопросов у меня с собой, так что можете взглянуть на них, если желаете.

Он подал мне бумагу, которую я держу в руках в настоящую минуту. Вот тот ряд странных вопросов, на которые должен был давать такие же странные ответы каждый из Месгрэвов по достижении совершеннолетия. Я прочту вам вопросы и

ОТВЕТЫ:

«- Чье это было?

- Того, кого нет.

- Чье это будет?

- Того, кто будет позже.

- В каком это было месяце?

- В шестом, считая с первого.

- Где было солнце?

- Над дубом.

- Где лежала тень?

- Под вязом.

- Сколько нужно сделать шагов?

- К северу десять и десять; на восток пять и пять; к югу два и два; на запад один и один, и потом вниз.

- Что мы должны отдать за это?

- Все, что наше.

- Почему мы должны отдать это?

- Во имя веры».

– На оригинале нет числа, но, судя по орфографии, он относится к середине семнадцатого столетия, – заметил Месгрэв. – Боюсь, что этот документ мало поможет вам в раскрытии тайны.

– Зато он представляет собой другую тайну, и еще более интересную, чем первая, – сказал я. – Может быть, раскрытие одной из них повлечет за собой раскрытие другой. Извините меня, Месгрэв, но должен сказать, что ваш дворецкий кажется мне очень умным человеком и более проницательным, чем десять поколений его господ.

– Я не понимаю вас, – ответил Месгрэв. – Бумага, по моему мнению, не имеет никакого практического значения.

– А по-моему, она имеет огромное значение, и мне кажется, что Брайтон разделял мой взгляд. Вероятно, он видел ее раньше той ночи, когда вы поймали его.

– Очень возможно. Мы не прятали ее.

– Насколько я понимаю, в ту ночь, когда вы застали его, он просто хотел освежить документ в своей памяти. Вы говорили, что у него в руках была карта или план, который он сличал с рукописью и который спрятал в карман при вашем появлении.

– Это верно. Но какое могло ему быть дело до нашего старинного обычая и что может означать вся эта галиматья?

– Мне кажется, что нам нетрудно будет узнать это, – сказал я. – Если позволите, мы отправимся с первым поездом в Сассекс и на месте поближе познакомимся с этим делом.

В тот же день, под вечер, мы уже были в Херлстоне. Может быть, вам приходилось видеть изображение знаменитого старинного здания или читать описания его, а потому я ограничусь только упоминанием, что оно имеет форму столярного угольника, причем более длинная линия представляет собой новую часть постройки, а короткая – ядро, из которого развилось все остальное. Над

низкой входной дверью в центре старого здания на камне высечено «1607», – но знатоки считают, что дом построен, судя по характеру деревянной и каменной отделки, гораздо раньше этого времени. Поразительно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили обитателей его выстроить в прошлом столетии новое крыло, а старый дом служит теперь кладовой и погребом, и то только в случае необходимости. Великолепный парк из вековых деревьев окружает все здание, а пруд, о котором упоминал мой клиент, расположен в конце аллеи, ярдах в двухстах от дома.

У меня, Ватсон, уже не было сомнения в том, что во всем этом деле была только одна тайна, а не три. Я был убежден, что если бы мне удалось понять значение «Месгрэвского обряда», то в руках у меня оказалась бы путеводная нить, которая привела бы меня к открытию истины о дворцеком Брайтоне и горничной Хоуэлле. Поэтому-то я и решил приложить все свои старания к тому, чтобы узнать, почему Брайтон стремился изучить старинный манускрипт. Очевидно потому, что заметил то, что ускользнуло от внимания целого ряда поколений помещиков и что обещало ему какие-то личные выгоды. Что же это было и как оно повлияло на его судьбу?

При чтении «обряда» мне стало вполне ясно, что измерения относятся к какому-нибудь месту, о котором упоминается в документе, и что если бы нам удалось найти это место, мы напали бы на след тайны, которую предки Месгрэвов нашли нужным облечь в такую странную форму. Для начала нам были даны два ориентира – дуб и вяз. Что касается дуба, то найти его было очень легко. Прямо перед домом, по левую сторону дороги, ведущей к подъезду, стоял патриарх среди дубов – одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо доводилось видеть.

– Существовал этот дуб во время составления вашего «обряда»? – спросил я, когда мы проезжали мимо.

– Он стоял здесь, вероятно, во время завоевания Англии норманнами, – ответил Месгрэв. – Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Итак, одно из моих предположений оказывалось верным.

– Есть у вас старые вязы? – спросил я.

- Вот там стоял очень старый вяз, но десять лет тому назад его разбило молнией, и мы спилили его.

- Вы можете указать место, где стояло это дерево?

- О, да.

- Других вязов нет?

- Старых нет, но много молодых.

- Мне бы хотелось видеть место, где рос этот вяз.

Мы приехали в шарабане, и мой клиент тотчас же, не заходя в дом, повел меня на опушку лужайки, где стоял прежде вяз - почти на половине пути между дубом и домом. Мои исследования, по-видимому, шли успешно.

- Я полагаю, невозможно определить высоту этого вяза? - спросил я.

- Могу сразу ответить на этот вопрос. Он был высотой в шестьдесят четыре фута.

- Каким образом вы знаете это? - с удивлением спросил я.

- Когда мой старый учитель давал мне, бывало, задачи по тригонометрии, то они всегда касались измерения высоких предметов. Мальчиком я измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Это была совершенно неожиданная удача. У меня уже оказывалось больше данных, чем я мог ожидать за такое короткое время.

- Скажите, пожалуйста, - спросил я, - ваш дворецкий не задавал вам никогда подобного вопроса?

Реджинальд Месгрэв с изумлением взглянул на меня.

– Теперь, когда вы напомнили об этом, я действительно припоминаю, что Брайтон спрашивал меня несколько месяцев тому назад о высоте этого дерева. Они с грумом поспорили из-за этого.

Можете себе представить, Ватсон, как приятно мне было слышать эти слова. Ведь таким образом оказывалось, что я на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно стояло низко, и я рассчитывал, что менее чем через час оно будет стоять как раз над вершиной старого дуба. Тогда было бы исполнено одно из условий, упомянутых в «обряде». А тень от вяза должна была означать крайнюю точку тени, иначе говорилось бы о тени от ствола. Значит, мне следовало определить, куда падет конец тени от вяза, когда солнце станет как раз над дубом.

– Ведь это же трудно было сделать, Холмс, когда вяза уже не существовало.

– Я знал только одно: если Брайтон мог сделать это, то могу и я. К тому же это было вовсе не так трудно. Я пошел с Месгрэвом в его кабинет и сделал колышек из дерева, к которому привязал длинную веревку с узелком на каждом ярде. Затем я взял удочку в шесть футов и пошел со своим клиентом к тому месту, где прежде стоял вяз. Солнце как раз освещало вершину дуба. Я воткнул импровизированное удилище в землю, наметил направление тени и измерил ее. Она оказалась длиною в девять футов.

Теперь оставалось сделать несложное вычисление. Если удочка в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево в шестьдесят четыре фута высоты дает тень в девяносто шесть футов, а направление обоих должно быть, понятно, одинаковое. Я измерил расстояние и дошел почти до стены дома, где воткнул в землю свой колышек. Можете себе представить мой восторг, Ватсон, когда в двух дюймах от этого места я увидел в земле воронкообразное углубление. Я понял, что это отметка, сделанная Брайтоном при его измерениях, и что, следовательно, я иду по его следам.

Я начал отсчитывать шаги от этой точки, определив предварительно стороны света с помощью компаса. Десять шагов к северу, сделанные поочередно каждой ногой, пришлись параллельно стене дома. Тут я опять отметил колышком точку, на которой остановился. Затем я тщательно отмерил пять шагов к востоку и два к югу и очутился прямо у порога старого дома. Два шага к западу означали, что мне следовало сделать два шага по выложенному плитам коридору – и я стоял на месте, указанном «обрядом».

Никогда в жизни не приходилось мне испытывать такого сильного разочарования, Ватсон. Одно мгновение мне казалось, что в мои вычисления вкралась какая-то серьезная ошибка. Лучи заходящего солнца падали прямо на коридор, и я ясно видел, что старые, вытопанные камни, которыми он был вымощен, плотно спаяны цементом и не сдвигались с места уже много лет. Брайтон не дотрагивался до них. Я постучал по полу, но звук везде был одинаков, и нигде не было заметно ни трещины, ни вмятины. К счастью, Месгрэв, который понял смысл моих поступков и волновался не менее меня, вынул рукопись, чтобы проверить мои вычисления.

- И вниз! - закричал он. - Вы пропустили «и вниз»!

Я думал, что эти слова означали, что нам придется рыть землю, но теперь увидел, что ошибся в своих предположениях.

- Так там есть подвал? - крикнул я.

- Да, такой же старый, как и дом. Сюда, через эту дверь.

Мы спустились по витой каменной лестнице, и мой товарищ, чиркнув спичку, зажег большой фонарь, стоявший на бочонке в углу. В ту же минуту мы убедились, что попали в нужное место и что кто-то побывал тут раньше нас.

Подвал служил складом для дров, но поленья, очевидно, прежде покрывавшие весь пол, теперь были сложены по сторонам так, что посередине образовался свободный проход. В этом проходе лежала большая тяжелая плита с заржавленным железным кольцом, к которому был привязан толстый шерстяной шарф.

- Клянусь Юпитером! - воскликнул Месгрэв, - это шарф Брайтона. Я видел его на нем и готов поклясться в этом. Что делал тут этот негодяй?

По моему предложению вызвали двух полицейских, и в их присутствии я попытался поднять плиту, потянув за шарф. Я мог только слегка приподнять ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось отодвинуть ее в сторону. Перед нами зияла глубокая черная яма. Мы все смотрели на нее. Месгрэв, став на колени, опустил фонарь.

Перед нами открылось темное помещение около семи футов в глубину и футов четырех в ширину. У одной стены его стоял низкий деревянный сундук, окованный медью, с поднятой крышкой, в которой торчал ключ странной старинной формы. Снаружи ящик был покрыт толстым слоем пыли, а сырость и черви так проели дерево, что оно все было покрыто плесенью. Несколько металлических кружков, по-видимому, старинных монет – вот таких, какие вы видите у меня в руке, – валялось на дне сундука, но больше там ничего не было.

Но в это время мы совершенно забыли и думать о сундуке: наши взоры были прикованы к тому, что мы увидели рядом с ним. То была фигура одетого в черный костюм человека, который сидел на корточках, положив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. От такой позы вся кровь прилила ему к голове, и никто не мог бы узнать этого искаженного, посиневшего лица, но когда мы приподняли тело, то мистер Месгрэв по росту, одежде и волосам признал в нем своего бывшего дворецкого. Брайтон умер уже несколько дней тому назад, но на теле не было заметно ни раны, ни какого-либо повреждения, которые могли бы указать причину его страшной смерти. Тело вынесли из погребя, а мы снова остались перед загадкой, почти такой же ужасной, как та, с которой мы встретились впервые.

Признаюсь, Ватсон, что я начал сомневаться в успехе моих розысков; я думал, что разрешу загадку, как только найду место, указанное в «обряде». Но вот я стоял на этом месте и, по-видимому, был так же далек, как прежде, от тайны, которая скрывалась так тщательно семьей Месгрэвов. Правда, что я пролил свет на судьбу Брайтона, но теперь следовало установить, каким образом эта судьба покарала его и какую роль играла во всей этой истории исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал обдумывать все, что случилось.

Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобного рода случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив себе предварительно степень его развития, пробую представить, как бы я действовал на его месте. В данном случае дело облегчалось тем, что Брайтон был, без сомнения, человек недюжинного ума. Он знал, что дело идет о какой-то драгоценности. Он нашел место. Он увидел, что плита, закрывающая вход в подвал, слишком тяжела для того, чтобы ее мог сдвинуть один человек. Что же ему оставалось делать? Он не мог получить помощи от посторонних. Даже в том случае, если бы ему удалось найти кого-нибудь, кто согласился бы помочь ему и кому бы он мог вполне довериться, ему угрожала опасность попасться, когда ему пришлось бы впустить в дом своего сообщника. Лучше было найти себе помощника в доме. Но кого? К кому мог он

обратиться? Та девушка любила его. Мужчине всегда трудно представить себе, что он окончательно лишился любви женщины, как бы дурно он ни поступил с ней. Вероятно, Брайтон снова полюбезничал с Хоуэлле, чтобы помириться с ней, а затем сделать ее своей сообщницей. Они, должно быть, вместе пришли ночью в погреб и соединенными усилиями подняли плиту. До этой минуты их действия так ясно представлялись мне, как будто я сам присутствовал при них.

Однако поднять плиту было делом трудным для двух лиц, из которых к тому же одна была женщина. Нелегко это было и для нас – дюжего сассекского полицейского и меня. Что же они могли выдумать, чтобы помочь себе? Вероятно, то же, что сделал бы я сам. Я встал и внимательно осмотрел разбросанные по полу поленья и почти сразу убедился в основательности моего предположения. На одном полене, длиной около трех футов, явственно виднелась выемка, а несколько других были сплющены с боков, как будто сжатые какой-то тяжестью. Очевидно, приподняв плиту, они стали совать одно полено за другим, пока не образовалось отверстие настолько большое, что они могли пролезть в него; тогда они положили одно полено вдоль отверстия; этим и объясняется выемка на его нижнем конце, так как плита придавливала его своей тяжестью к противоположному краю щели. До сих пор все было ясно для меня.

Каким же образом восстановить ночную драму? Очевидно, в яму спустился только один человек, и именно Брайтон. Девушка должна была ожидать его наверху. Брайтон отпер сундук и, надо полагать, передал найденные им вещи сообщнице, так как в сундуке вещей не оказалось. А потом? Что случилось потом?

Вспыхнула ли ярким огнем жажда мести, тлевшая в душе страстной валлийской женщины, когда она увидела в своей власти человека, сделавшего ей зло... может быть, большее, чем подозревали окружающие? Случайно ли подались поленья, и плита закрыла вход в подвал, который стал могилой Брайтона? Или резким движением руки она отбросила опору, и плита рухнула на свое место? Как бы то ни было, мне казалось, что я вижу лицо женщины, судорожно сжимающей найденное сокровище и в безумном ужасе бегущей по винтовой лестнице, между тем как в ее ушах раздавались снизу глухие крики и яростные удары в плиту заживо погребенного неверного любовника.

Итак, вот тайна ее бледности, ее нервного состояния и истерического хохота на следующее утро. Но что же в сундуке? Куда она девала вещи? Вероятно, это те обломки металла и камней, вытащенные из озера моим клиентом. Она бросила

их при первом удобном случае, чтобы скрыть последние следы своего преступления.

Минут двадцать я просидел не двигаясь, обдумывая происшедшее. Месгрэв, весь бледный, продолжал стоять на прежнем месте, раскачивая фонарь и глядя вниз, в яму.

– Это монеты Карла I, – сказал он, взяв несколько кружков, оставшихся в сундуке. – Вы видите, мы верно определили время написания «обряда».

– Может быть, мы найдем еще что-нибудь, оставшееся от Карла I, – вскрикнул я. Внезапно мне показалось, что я понял значение двух первых вопросов «обряда». – Дайте мне взглянуть на вещи в мешке, который вы вытащили из пруда.

Мы пошли в кабинет, и он разложил передо мной обломки. Я понял, почему он не придал им никакого значения: металл был почти черный, а камни тусклые и бесцветные. Я потерял один из них о рукав, и он засверкал у меня на ладони, словно искра. Один из металлических предметов имел вид двойного кольца, но сильно погнутого, так что он потерял свою первоначальную форму.

– Вам не мешает припомнить, что королевская партия существовала в Англии и после смерти короля, а когда его приверженцам пришлось наконец бежать из страны, они, вероятно, спрятали куда-нибудь многие из своих драгоценностей, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

– Мой предок, сэра Ральф Месгрэв, был ярким приверженцем Карла II и сопровождал короля во всех его скитаниях, – сказал мой друг.

– А, в самом деле! – заметил я. – Ну, это обстоятельство дает нам последнее, недостающее звено. Я должен поздравить вас со вступлением в обладание (хотя и очень трагическим образом) реликвии, имеющей большую ценность, но еще большее историческое значение.

– Что же это такое? – задыхаясь от изумления, проговорил он.

– Не более не менее, как древняя корона английских королей.

– Корона!

– Именно. Обратите внимание на слова «обряда». Что там говорится? «Чье это было?» – «Того, кого нет». Это после казни Карла. Затем: «Чье это будет?» – «Того, кто будет позже». Это говорилось о Карле II, восшествие на престол которого предвиделось заранее. По-моему, не может быть сомнения в том, что эта изломанная, потерявшая всякую форму корона украшала некогда головы королей из дома Стюартов.

– А как она попала в пруд?

– Это вопрос, для ответа на который потребуется некоторое время, – и я изложил ему всю длинную цепь предположений и доказательств, раскрытую мной. Уже стемнело, и луна ярко сияла на небе, прежде чем я окончил свой рассказ.

– Как же случилось, что Карл не получил своей короны обратно, когда вернулся? – спросил Месгрэв, кладя корону в холщовый мешок.

– Ах, это вопрос, который, вероятно, никогда не будет выяснен до конца. По-видимому, ваш предок, знавший эту тайну, умер, не объяснив почему-то своему потомку значения оставленного им документа. С того времени и до сих пор документ переходил от отца к сыну, пока, наконец, не попал в руки человека, сумевшего понять тайну и поплатившегося жизнью при попытке добыть спрятанное сокровище.

Вот история «Месгрэвского обряда», Ватсон. Корона и до сих пор в Херлстоне, хотя владельцам пришлось иметь дело с судом и уплатить значительную сумму денег для того, чтобы оставить ее у себя. Я уверен, что, если вы упомянете мое имя, они покажут вам эту корону. Об исчезнувшей девушке никто ничего не слышал; вероятно, она бежала из Англии и унесла воспоминания о своем преступлении в далекие края.

Постоянный пациент

«Постоянный пациент» (The Adventure of the Resident Patient), октябрь 1881, Лондон (London)

Был пасмурный дождливый день. Шторы в нашей комнате были наполовину подняты. Холмс лежал на кушетке, перечитывая письмо, полученное им с утренней почтой. Живя долгое время в Индии, я гораздо лучше привык переносить жару, чем холод, так что настоящая погода приходилась мне не по сердцу. В газете ничего не было интересного; парламент был распущен. Все, кто мог, уехали из города, и я, в свою очередь, мечтал о лужайках Нью-Фореста и о гальке Южного моря. Понижение котировки бумаг на бирже заставило меня отложить свою поездку до более благоприятного времени, что весьма огорчало меня, между тем как мой товарищ нисколько не страдал от этого, так как ни деревня, ни голубое море не имели для него никакой привлекательности. Он любил вращаться в кругу пятимиллионного населения, везде расставляя свои сети и блуждая между ними, чутко прислушиваясь к малейшему шуму или слуху о нераскрытом преступлении. Красоты природы не волновали его эмоциональные чувства, а отвлечь его от преследования преступника в городе и вынудить отправиться в деревню могло только появление не менее опасного преступника в провинции.

Видя, что Холмс не расположен разговаривать, я отложил в сторону газету и, растянувшись в кресле, задумался. Вдруг мои мысли были прерваны голосом моего друга.

– Вы правы, Ватсон, – сказал он, – это, действительно, чрезвычайно нелепая манера решать спор.

– Поистине нелепая! – ответил я, но вдруг сообразил: каким образом мог он проникнуть в глубину моей души и так верно угадать мои мысли? Я выпрямился на стуле и с явным недоумением смотрел на него во все глаза.

– Что это значит, Холмс? – воскликнул я. – Как могли вы так верно угадать мои мысли?

Тот от души расхохотался.

– Помните, – сказал он, – несколько дней тому назад, когда я прочел рассказ Эдгара По, в котором один тонкий наблюдатель читал мысли другого человека, вы не поверили этому и назвали этот рассказ плодом буйной фантазии и ловкий ход автора. Когда же я стал уверять вас, что сам в состоянии угадывать чужие мысли, вы не поверили мне и скептически отнеслись к моему заявлению.

– О, нет!

– Вы ничего мне не ответили, но я узнал об этом по вашим глазам. Поэтому, когда вы отложили газету и задумались, я страшно обрадовался возможности прочитать ваши мысли и, как видите, все время следил за вашими думами.

– В этом рассказе, – возразил я, – наблюдатель выводит свои заключения по действиям человека, за которым он следит. Если я не ошибаюсь, он спотыкался о камни, смотрел на звезды и т. д. Но я совершенно спокойно сидел в кресле, так что положительно не понимаю, каким образом вы могли прочесть мои мысли.

– Вы не правы. Выражение лица человека служит верным отпечатком его души. Мы все пользуемся чертами лица для выражения своих чувств, и в данном случае вы тоже пользовались ими, как своими верными слугами.

– Стало быть, вы проследили за ходом моих мыслей по моему выражению лица?

– Не столько по выражению лица, сколько по выражению глаз. Ручаюсь, что вы не в состоянии сказать мне, с какого момента вы начали думать.

– Действительно, не могу.

– Ну, в таком случае я вам скажу. Отложив в сторону газету, чем привлекли мое внимание: вы удобнее уселись в кресле и с полминуты ни о чем не думали. Затем ваш взор остановился на портрете генерала Гордона в новой рамке, и тут по выражению вашего лица я заключил, что вы начали думать. Затем вы стали смотреть на стоящий наверху этажерки с книгами портрет Генри Уорда Бичера, который еще не был вставлен в рамку. Тут уже ваша мысль стала совсем очевидна. Вы посмотрели на стену, увидели пустое место и подумали, что надо

вставить этот портрет в рамку и повесить здесь, симметрично с портретом генерала Гордона.

– До сих пор вы поразительно угадали мои мысли.

– Здесь ваши мысли приняли другое направление. Вы опять взглянули на Бичера и стали в него пристально всматриваться, очевидно, вспоминая нравственные качества и характер этого человека. Затем ваши глаза перестали щуриться, но вы продолжали смотреть, и ваше лицо приняло сосредоточенное выражение. В вашем уме проносились отдельные моменты карьеры Бичера. Я убежден, что вы не можете думать о нем, не вспомнив миссии, которую он исполнял во время гражданской войны, имея в виду пользу и благосостояние Севера. В то время это поручение так задело вас за живое, что вы не могли думать о Бичере, не вспомнив об этом факте. Когда минуту спустя вы отвели свой взор от портрета, я заподозрил, что вы начинаете думать про гражданскую войну, в чем я скоро и убедился, когда увидел, как шевелятся ваши губы, как заблестел ваш взор и как сильно сжимались руки. Вы думали о храбрости и отваге, проявленной с обеих сторон в этой отчаянной борьбе. Но затем ваше лицо сделалось скучнее, и вы покачали головой. Вы не могли вспомнить без ужаса и содрогания о бесполезной гибели стольких человеческих жизней. Таким образом вы растравили свою старую сердечную рану, о чем свидетельствовала горькая усмешка на ваших губах. Вас возмущало, как могут люди применять такой глупый, нелепый метод в разрешении великих международных вопросов. В этом я вполне согласен с вами, и потому высказал свое одобрение вслух; в общем же я страшно доволен, что мои наблюдения оказались верными.

– Совершенно верными, – сказал я, – и теперь, хотя вы мне объяснили свой фокус, я все-таки остаюсь по-прежнему поражен и удивлен вашей поразительной наблюдательностью.

– Уверяю вас, Ватсон, что ничего не может быть проще этого. Я бы не стал тратить на это время, если бы вы накануне не выразили такого недоверия к рассказу талантливого писателя. Но день клонится к вечеру. Не хотите ли прогуляться по городу?

Наша маленькая квартира надоела мне, и потому я с радостью принял предложение друга. В продолжение трех часов гуляли мы вместе, наблюдая вечно меняющийся калейдоскоп жизни, вращающийся, подобно приливу и отливу, между Флит-стрит и Стрэндом. Характерная болтовня Холмса с его

тонкой наблюдательностью мельчайших подробностей и поразительная уверенность, с которой он делал свои выводы, занимала и в то же время поработала меня.

Только в десять часов вечера мы вернулись на Бейкер-стрит. У подъезда нашего дома стояла карета.

– Гм! Это докторская карета. Ее хозяин недавно практикует, но имеет большой успех. Должно быть, он приехал к нам за советом. Хорошо, что мы вернулись! – тотчас же вывел свое заключение Холмс.

Я слишком хорошо был знаком с методом моего друга, чтобы хоть на минуту усомниться в правильности его наблюдений; внутри кареты на крючке висела плетеная корзинка с докторскими принадлежностями, которая и дала ему данные для его быстрого вывода. Свет наверху, в нашем окне, доказывал, что этот посетитель приехал к нам, а не к кому-нибудь другому. Мне было ужасно интересно узнать, какое такое дело могло привести к нам в этот час собрата-медика, и потому я поскорее последовал за Холмсом в нашу «святая святых».

Когда мы вошли в комнату, со стула у камина поднялся белокурый молодой человек с бледным конусообразным лицом. На вид ему можно было дать не больше тридцати трех – тридцати четырех лет, но его угрюмое выражение лица и нездоровый вид свидетельствовали о том, что не совсем благоприятно складывающаяся для него жизнь подорвала его молодые силы и преждевременно похитила его свежесть. Его манеры были нервны и беспокойны, а его тонкая белая рука, которой он, вставая со стула, взялся за край камина, была похожа скорее на руку художника, чем на руку хирурга. Одет был он в темное платье – черный сюртук, черные брюки и такой же скромный темный галстук.

– Добрый вечер, доктор, – сказал любезно Холмс, – очень рад, что вам пришлось нас ждать не больше пяти минут.

– Вы говорили с моим кучером?

– Нет, я узнал это по свечке, которая не успела еще даже хорошо разгореться. Пожалуйста, садитесь. Чем могу вам служить?

– Позвольте вам представиться, – сказал посетитель, – доктор Перси Тревельян, мой адрес Брук-стрит, дом № 403.

– А, это вы автор монографии о малоизвестных нервных болезнях? – спросил я.

Когда доктор услышал, что его сочинение известно мне, его бледные щеки покрылись легким румянцем.

– Мне очень редко приходится слышать о своем сочинении, я был в полной уверенности, что его никто не читал, а мои издатели никогда мне не дают никакого отчета о том, как расходятся мои книги. Скажите, пожалуйста, вы, верно, тоже доктор?

– Да, отставной военный врач.

– Я всегда с особенной любовью изучал нервные болезни и даже хотел избрать их своей специальностью, но обстоятельства так сложились, что мне не удалось привести в исполнение свое намерение. Но это не относится к делу. Простите, что задержал вас, мистер Холмс, я знаю, как дорога для вас каждая минута. Все это время у меня в доме на Брук-стрит происходили странные явления, но я до сегодняшнего вечера не придавал им большого значения; наконец дело стало принимать такой серьезный оборот, что ждать оказалось невыносимо, и потому я приехал к вам просить вашего совета и содействия.

Шерлок Холмс сел и закурил трубку.

– С удовольствием сделаю все, что могу. Пожалуйста, расскажите мне подробно, в чем дело.

– Видите ли, – сказал доктор, – во всей этой странной истории есть два или три факта, на которые положительно не стоит обращать внимания, но так как, по моему мнению, все они имеют общую связь, то не могу не рассказать вам про них по порядку.

Придется начать рассказ с того времени, когда я был еще студентом. Я поступил в Лондонский университет и скоро обратил на себя внимание профессоров, которые сулили мне блестящую будущность. Окончив университет, я принялся

за научные исследования, занимая в то же время небольшую должность в клинике при Кингз-Колледж. Случайно мне удалось сделать несколько довольно интересных открытий в лечении каталепсии, за что я и удостоился премии Брюса Пинкертон и получил медаль за упомянутую монографию о нервных болезнях. Не знаю почему, но у всех сложилось мнение, что я составлю себе блестящую карьеру.

И я, действительно, благодаря этому скоро приобрел бы известность, если бы не один камень преткновения, а именно – недостаток в деньгах. Вы отлично понимаете, что специалист, желающий приобрести известность, должен обязательно жить где-нибудь в районе Кавендиш-сквера и нанимать хорошую квартиру с приличной обстановкой, а все это стоит больших денег. Мало того, известность приобретается с годами, а до тех пор надо иметь капитал, на

который можно было бы существовать, пока не пройдет этот самый тяжелый выжидательный период. Затем всякий мало-мальски известный доктор должен иметь свою карету и лошадь, а мои средства были очень ограничены. Чтобы прибить на своих дверях металлическую доску, мне пришлось бы, усиленно работая, провести по крайней мере десять лет скромной и экономной жизни. Но обстоятельства сразу изменились совершенно неожиданным и странным для меня путем.

Как-то приехал ко мне совершенно незнакомый господин по фамилии Блессингтон. Войдя в комнату, он сразу приступил к делу.

– Вы тот самый мистер Тревелиян, которому все сулят блестящую карьеру и который со временем будет зарабатывать огромные деньги? – спросил он. Я поклонился. – Ответьте мне откровенно, желаете ли вы получить капитал, при помощи которого могли бы сейчас осуществить свои мечты? Вы обладаете достаточным умом, чтобы вести успешно дело. Обладаете ли вы в равной степени тактом?

Этот вопрос показался мне настолько странным и оригинальным, что я не мог не улыбнуться.

– Думаю, что не лишен в некоторой степени, – ответил я.

– Может быть, у вас есть какие-нибудь дурные привычки. Не пьете ли вы? А?

– Нет, не пью.

– Отлично! Но позвольте в таком случае задать вам немного нескромный вопрос. Почему вы, имея все данные, не имеете практики?

Я пожал плечами.

– Вы стесняетесь? – продолжал он покровительственно. – В таком случае я сам вам отвечу. В голове у вас больше, чем в кармане, не правда ли?

Я смотрел на него с изумлением.

– Не беспокойтесь, – продолжал он, – я предложу вам комбинацию, которая столь же будет полезна для меня, сколько и для вас. Будем откровенны. У меня есть несколько тысяч свободных фунтов, которые я хочу удешевить с вашей помощью.

– Но каким образом?

– Я хочу предложить вам одну операцию, которая, по моему мнению, вернее и безопаснее всех других спекуляций.

– Какую же я могу играть в ней роль?

– Сейчас вам расскажу. Я найму дом, заведу обстановку, буду платить прислуге, даже буду выдавать вам карманные деньги. Вы же, в свою очередь, должны отдавать мне три четверти заработанных вами денег, а оставшуюся четверть можете оставить себе.

Вот какое странное предложение, мистер Холмс, сделал мне этот господин по фамилии Блессингтон. О том, как мы заключили условие и окончательно сговорились, не стоит рассказывать. На следующий день он нанял дом, купил всю обстановку, и я начал практиковать, как он и ожидал, очень удачно. Он жил у меня в качестве постоянного пациента. Решено было говорить всем, что у него слабое сердце и что потому он нуждается в постоянном медицинском присмотре. Занимал он две лучшие комнаты на первом этаже; одну из них он сделал спальней, а другую гостиной. У него были довольно странные привычки,

людей он чуждался и редко выходил из дома. Вообще он вел неправильный образ жизни, но в одном только был аккуратен до педантизма. Каждый вечер в один и тот же час он входил в мой кабинет, просматривал книги, брал три четверти заработанных мною денег и прятал их в свой несгораемый железный шкаф, который стоит в его спальне.

Я зарабатывал очень много, так что ему не приходилось никогда сожалеть, что он пустился на такую рискованную операцию. Дело пошло успешно с самого начала. Репутация, которой я пользовался еще в госпитале, а также несколько случаев излечения трудных болезней быстро сделали меня известным и дали огромную практику, благодаря которой в течение одного только года я сделал Блессингтона богатым человеком.

Вот история моей карьеры и моих отношений с мистером Блессингтоном. Теперь позвольте рассказать, что главным образом привело меня к вам.

Несколько недель тому назад мистер Блессингтон вошел ко мне в комнату, как мне показалось, сильно взволнованный. Он рассказал мне про какую-то кражу со взломом, совершенную в Вест-энде, и советовал позаботиться об оснащении дверей и ставен окон крепкими задвижками и болтами. Его волнение и страх казались мне сильно преувеличенными. Но он оставался в таком взволнованном состоянии всю неделю, постоянно осматривал по вечерам окна, двери и перестал даже совершать свою обычную послеобеденную прогулку. Он производил на меня впечатление человека, который чего-то или кого-то ужасно боится; когда же я намекнул ему об этом, он так на меня рассердился, что я предпочел замолчать и решил никогда больше не поднимать этого вопроса. Мало-помалу он успокоился и вернулся даже к своим привычкам, пока одно обстоятельство не привело его опять в то же жалкое, прямо ужасное, на взгляд постороннего наблюдателя, состояние.

Вот чем оно было вызвано. Два дня тому назад я получил письмо следующего содержания. Ни адрес, ни число не были на нем обозначены. Вот оно.

«Один русский аристократ желает воспользоваться своим временным пребыванием в Англии, чтобы посоветоваться со специалистом по нервным болезням, доктором Перси Тревельяном. Этот человек страдает уже несколько лет каталептическими припадками и потому просит доктора Тревельяна принять

его завтра у себя на дому в четверть седьмого».

Это письмо меня очень заинтересовало, потому что вообще настоящих каталептиков очень мало, а тут, как видно, представлялась возможность наблюдать эту болезнь, выраженную в довольно сильной степени. В назначенный час я сидел в своем кабинете и с нетерпением ждал больного, когда пришел мальчик и доложил, что меня спрашивают два господина.

Один из них был старый, худой, сумрачный, с простыми угловатыми манерами господин, внешностью своей совсем непохожий на русского аристократа. Но еще больше меня поразила наружность его спутника. Это был молодой человек высокого роста, довольно красивый, с загорелым свирепым лицом, сложением своим сильно напоминающий статую Геркулеса. Он вел первого господина под руку и усадил на кресло с такой осторожностью, которая совершенно не соответствовала его внешности.

– Простите, что я потревожил вас, доктор, – сказал он по-английски с несколько иностранным акцентом, – это мой отец, и я очень беспокоюсь за его здоровье.

Я был сильно тронут его сыновней заботливостью.

– Может быть, вы желаете остаться с отцом во время консультации? – спросил я.

– Боже меня сохрани! – воскликнул молодой человек с явным ужасом. – Я сам очень нервный человек, и, когда с отцом делаются припадки, мне кажется, что он сейчас умрет и что я больше никогда его не увижу. Если позволите, я посижу в приемной.

Конечно, я согласился, и молодой человек вышел из кабинета. Я стал расспрашивать больного про его болезнь и записывал все, что он говорил. Судя по ответам, это был совсем необразованный человек, что, между прочим, тогда я приписал незнанию нашего языка. Но вдруг пациент перестал отвечать на мои вопросы; я обернулся и увидел его сидящим в кресле совершенно прямо, с бессмысленно выпученными глазами и тупым, неподвижным выражением лица. Очевидно, у него начался припадок.

Сначала мне стало жалко его, но потом, к стыду моему, должен признаться, что я даже обрадовался присутствовать и самолично исследовать эту болезнь во время самого припадка, что удается врачам очень редко. С этой целью я встал от стола, попробовал пульс больного и температуру и не нашел ничего ненормального. Все симптомы совпадали с теми, которые я наблюдал при этой болезни и раньше. Обыкновенно в таких случаях очень помогала ингаляция. Но бутылка с амилнитритом стояла в лаборатории, поэтому я оставил больного сидеть в кресле, а сам спустился вниз за лекарством. Вернулся я в кабинет минут через пять, но можете себе представить мое изумление, когда пациента в комнате не оказалось. Конечно, сейчас же я побежал в приемную. Но и здесь не оказалось ни больного, ни его сына. Парадная дверь была притворена, но не заперта на ключ. Мальчик, который впускал больных, только что недавно поступил ко мне на службу. Обыкновенно он сидел у себя внизу и выходил провожать больных, когда я давал из кабинета звонок. Он никого не видел, и потому странное поведение моих пациентов так и осталось для меня тайной. Вскоре после этого с прогулки вернулся мистер Блессингтон, но я ничего ему про это не рассказал, потому что, откровенно говоря, старался иметь с ним как можно меньше дела.

Я и не думал более увидеть когда-нибудь странного больного и его сына, но, к моему удивлению, сегодня вечером, в тот же час, они опять вошли под руку в мой кабинет.

– Воображаю, какие вы делали предположения насчет моего вчерашнего исчезновения, – сказал мой пациент.

Я признался, что порядочно-таки был удивлен.

– Видите ли в чем дело. Во время припадков я совершенно теряю сознание и память. Увидя себя в чужой, как мне показалось, комнате, я спустился вниз и выбежал на улицу.

– А я, – добавил его сын, – видя, что мой отец проходит через приемную, подумал, что вы отпустили его. Только придя домой, он вспомнил и рассказал мне всю правду.

Все это было так естественно и правдоподобно, что я рассмеялся от души и предложил молодому человеку посидеть в приемной, пока я осмотрю его отца и

пропишу лекарство.

В кабинете я провел с больным около получаса, во время которого освидетельствовал его и прописал лекарство, потом отец с сыном при мне же ушли под руку.

Я уже говорил вам, что в это время мистер Блессингтон обыкновенно совершал прогулку. Он вернулся вскоре после того, как я проводил своих пациентов, и прошел к себе. Не прошло и двух минут, как он вбежал ко мне в кабинет с видом человека, пораженного паническим ужасом.

- Кто был в моей комнате? - вскричал он.

- Никто, - ответил я.

- Это ложь. Пойдите и убедитесь сами, если не верите.

Не стану передавать вам те дерзости, которые он наговорил мне, находясь под влиянием страха в неменяемом состоянии. Не говоря ни слова, я пошел за ним в его комнаты, и здесь он показал мне на светлом ковре свежие следы чьих-то больших ног.

- Что же, по-вашему, это мои ноги? - кричал он.

Действительно, у него нога гораздо меньше, кроме того, следы, очевидно, были оставлены недавно. После обеда не переставая шел дождь, а за это время, кроме моих двух пациентов, в доме никого не было. Весьма вероятно, что молодой человек, ожидавший своего отца в приемной, по какой-то неизвестной мне причине, воспользовавшись тем, что я был занят у себя в кабинете, прошел в кабинет мистера Блессингтона. Ни одна вещь не была тронута, так что одни только следы на ковре служили неопровержимым доказательством присутствия в комнате постороннего лица. Вы себе представить не можете, как был взволнован мистер Блессингтон. Он сел на стул и плакал, как ребенок. Сколько трудов стоило мне немного успокоить его и заставить говорить последовательно! По его инициативе я приехал к вам просить содействия в разъяснении этого странного явления, важность которого, по-моему, немного преувеличена. Пожалуйста, не откажите съездить со мной домой, чтобы иметь более ясное представление о случившемся.

По напряженному вниманию, с которым Шерлок Холмс слушал этот длинный рассказ, я мог заключить, что он сильно его заинтересовал. Выражение лица его оставалось по-прежнему бесстрастным, и он выпускал более и более густые клубы дыма по мере того, как рассказ доктора становился интереснее. Когда же посетитель замолчал, Холмс встал, не говоря ни слова, подал мне шляпу, взял свою со стола и последовал к двери за доктором Тревельяном.

Меньше чем через четверть часа мы подъехали к квартире доктора. Это был один из тех мрачных домов с гладким фасадом, которые так часто можно встретить в Вест-энде. Двери нам открыл маленький мальчик, и мы стали подниматься по широкой, выстланной коврами лестнице.

Но здесь мы были остановлены раздавшимся сверху сдавленным, хриплым голосом, который кричал нам:

– Даю вам слово, если вы сделаете еще один шаг, я буду стрелять.

– Что за глупости, мистер Блессингтон? – воскликнул доктор Тревельян.

– Ах, это вы, доктор? – продолжал тот же голос с видимым облегчением. – А кто же эти господа с вами?

Мы чувствовали, что нас кто-то рассматривает из темноты.

– Да, да, теперь я вижу, – продолжал тот же голос, – простите, пожалуйста, что я побеспокоил вас, но, право, нельзя обойтись без таких предосторожностей.

В это время мальчик зажег газ, и мы увидели странного на вид человека, манеры которого, равно как и голос, свидетельствовали о страшной нервности. Он был очень толст, хотя раньше, очевидно, был еще толще, потому что кожа на его щеках висела складками, точно у бладхаунда. На щеках выступил румянец, а тонкие рыжеватые волосы, казалось, стояли дыбом от страха. В руках он держал револьвер, который при нашем приближении спрятал в карман.

– Здравствуйте, мистер Холмс, – сказал он. – Я вам так благодарен за то, что вы приехали ко мне. Наверно, ни один человек в мире так не нуждался в вашей помощи, как я сегодня. Надеюсь, доктор Тревельян уже рассказал вам о

вторжении посторонних в мою комнату?

- Да, - ответил Холмс, - скажите, мистер Блессингтон, пожалуйста, кто эти господа и чего они хотят от вас?

- Ах, если бы я мог ответить вам на этот вопрос!

- Стало быть, вы не знаете, кто эти люди?

- Пожалуйста, зайдите ко мне в комнату, - сказал Блессингтон вместо ответа. - Вы видите этот шкаф? Я никогда не был богатым человеком, мистер Холмс, я никогда не верил банкам и никогда бы не доверился ни одному банкиру. Все мое небольшое состояние находится в этом шкафу, поэтому как же мне не волноваться, если какой-то посторонний, не известный мне человек забрался ко мне в комнату?

Холмс взглянул вопросительно на Блессингтона и покачал головой.

- Раз вы не хотите сказать мне правду, я не могу дать вам никакого совета, - сказал он.

- Но ведь я сказал все, что знал.

Холмс в сердцах повернулся на носках и пожелал доктору Тревелияну спокойной ночи.

- Неужели вы не дадите мне никакого совета? - вскричал Блессингтон с отчаянием.

- Мой совет вам, сэръ, говорить правду.

Минуту спустя мы были уже на улице и шли по направлению к дому. Только когда мы миновали Оксфорд-стрит и приближались к Харли-стрит, Холмс заговорил со мной.

- Жаль, что пришлось вас побеспокоить из-за этого дурака, Ватсон, - сказал Холмс, - хотя в общем это довольно интересное дело.

– Надо признаться, я его не очень хорошо понимаю, – возразил я.

– Очевидно, какие-то два человека, может быть, и больше, но минимум два, во что бы то ни стало хотят застать дома Блессингтона. Я уверен, что этот молодой человек, пользуясь тем, что доктор занят с его товарищем, проникал в комнату Блессингтона.

– А каталептический припадок?

– Простое притворство, Ватсон; мне только не хотелось говорить это нашему специалисту. Притвориться каталептиком очень легко; я сам неоднократно проделывал подобные штуки.

– Ну, а потом?

– Благодаря счастливой случайности Блессингтона оба раза не было дома. Для своего же визита они очень предусмотрительно выбрали такой час дня, когда в приемной доктора наверняка не могло быть других пациентов. Хотя все-таки они плохо знакомы с обычным распорядком дня хозяев, потому что в противном случае не приходили бы в то время, когда Блессингтон совершает свою прогулку. Если бы они приходили с целью грабежа, то такое стечение обстоятельств было бы им на руку. По глазам Блессингтона я прочитал, что он ужасно боится кого-то; да и невозможно, чтобы у человека было два таких мстительных врага без того, чтобы он не знал, кто они такие. Я твердо убежден, что он отлично знает этих людей, только почему-то скрывает это. Впрочем, я надеюсь, что завтра он будет более откровенен со мной.

– Ну, это еще неизвестно. Нельзя ли предположить, что вся эта история с русским каталептиком и его сыном – плод буйной фантазии доктора Тревелияна, которому почему-то понадобилось самому проникнуть в комнату Блессингтона?

Холмс ехидно улыбнулся.

– Знаете что, мой друг, – сказал он, – я сам сначала думал то же самое, но теперь совершенно перестал сомневаться в правдивости рассказа доктора. Я несколько не сомневаюсь, что в комнате был именно этот молодой человек, потому что следы от его ног видны не только в комнате, но и на лестнице. Кроме того,

следы эти оставлены ногой, обутой в ботинок с квадратным носком, который по крайней мере на один дюйм длиннее докторской ступни. Пока мы можем спать спокойно и не ломать понапрасну голову, потому что я буду не я, если завтра утром мы не будем иметь известий с Брук-стрит.

Предсказание Шерлока Холмса сбылось, хотя и при очень драматических обстоятельствах.

На следующее утро, в половине восьмого, он стоял в халате около моей кровати и будил меня следующими словами:

– Ну, Ватсон, вставайте! Надо ехать; за нами прислали карету.

– Что случилось? – спросил я.

– Зовут на Брук-стрит.

– А что, свежие новости?

– Трагические, но очень интересные, – ответил он, поднимая шторы. – Вот прочтите записку: «Ради бога, приезжайте скорее. П. Т.» Должно быть, там случилось что-нибудь серьезное, если наш приятель доктор пишет карандашом на листке из записной книжки. Вставайте скорее, надо ехать.

Через четверть часа мы уже входили в дом доктора. Он сам выбежал к нам навстречу с искаженным от испуга лицом.

– Ах, случилось такое!.. – воскликнул он, сжимая виски руками.

– Что такое?

– Блессингтон лишил себя жизни!

Холмс свистнул.

– Представьте себе, он сегодня ночью повесился.

Мы вошли, и доктор проводил нас в комнату, которая, очевидно, служила ему приемной.

- Понимаете, я так расстроен, что положительно не знаю, что делаю и говорю. Полиция уже наверху составляет протокол.

- Когда вы узнали, что он повесился?

- Сегодня утром. В семь часов горничная по обыкновению принесла ему чай и нашла его висящим посередине комнаты на крючке. Очевидно, он надел себе на шею петлю, стоя на несгораемом шкафу, который вам вчера показывал, и потом спрыгнул с него.

Холмс стоял некоторое время в глубоком раздумье.

- Если позволите, я пройду наверх, - сказал он.

Мы отправились туда в сопровождении доктора.

Когда мы вошли в спальню, глазам нашим представилось ужасное зрелище. Как я уже говорил, мистер Блессингтон производил впечатление рыхлого и мягкого человека. Вися же и качаясь на крючке, он совершенно потерял человеческий облик. Шея у него была вытянута, как у ошипанного цыпленка, между тем как все остальное туловище представляло бесформенную массу. Одет он был в одну только длинную ночную сорочку, из-под которой, как палки, торчали опухшие голые ноги. Около него стоял угрюмый полицейский инспектор и что-то заносил в свою записную книжку.

- А, мистер Холмс! - сказал он, обращаясь к моему приятелю, когда мы вошли в комнату. - Очень рад вас видеть.

- С добрым утром, Ланнер! - ответил Холмс. - Вы не в претензии, что я пришел сюда? Вам рассказывали о событиях, предшествовавших этой драме?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вакации – то же, что каникулы. – (Прим, ред.)

2

Кабо-Верде – Острова Зеленого мыса. – (Прим, ред.)

3

VR., или Victoria Regina (лат.) – Королева Виктория. – (.Прим. ред.)

Купить: <https://tellnovel.com/artur-doyl/zapiski-o-sherloke-holmse>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)